

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 9-10

2018

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

Модераторы журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация

- О. Л. Казанцева.** Анतिकоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов: состояние и поиск оптимальных решений 5
- Н. А. Кандрина.** Правовые основы государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти и иными уполномоченными организациями: становление и развитие..... 16

Язык права

- М. В. Батюшкина.** К вопросу о выражении в законодательных текстах семантики действия 31

Юридическая техника

- О. Е. Авилова, Ю. В. Печатнова.** О некоторых аспектах перевода международных документов на русский язык 59

Юридическая герменевтика

- Ю. А. Михайленко.** О включении штрафных санкций в договоры об обучении работника за счет средств работодателя..... 70

Лингвоэкспертология

- Т. В. Бердникова.** Выдвижение как средство создания экспрессивности: к вопросу интерпретации экстремистских текстов (на материале публикации «Белый букварь»)..... 79
- Ю. В. Донскова.** Возможности лингвистической экспертизы наименований лекарственных препаратов (на примере обозначения «Антигриппин»)..... 89
- Г. В. Напреенко.** Об участии лингвиста в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти..... 100
- Д. Л. Ханзафарова, И. Р. Абитов.** Дискуссия о правах национального меньшинства как объект судебно-экспертной оценки..... 113

История и современное состояние юрислингвистики в различных странах мира

- К. В. Злоказов.** Системно-функциональный семиотический подход к анализу поликодового текста: современное состояние и перспективы 126

CONTENTS

Legal communication

- O. L. Kazantseva.** Anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts: status and search of optimal solutions 5
- N. A. Kandrina.** The legal framework of the public services provided by executive bodies and other authorized organizations: genesis and development..... 16

Language of law

- M. V. Batiushkina.** On the issue of expressing the semantics of action in legislative texts 31

Legal techniques

- O. E. Avilova, Yu. V. Pechatnova.** On some aspects of translation of the international documents into the Russian language 59

Legal hermeneutics

- Yu. A. Mikhailenko.** The inclusion of penalties in contracts for worker training at the expense of the employer 70

Linguoexpertology

- T. V. Berdnikova.** Foregrounding as a means of creating expressiveness: on interpretation of the extremist texts (a case study of «White abc book» publication) 79
- Yu. V. Donskova.** Use of linguistic expertise of pharmaceutical names («Antigrippin» case study) 89
- G. V. Napreenko.** On the participation of a linguist in court hearings on criminal cases of insults to the representatives of authorities 100
- D. L. Khanzafarova, I. R. Abitov.** Discussion about rights of national minority as the object of forensic assessment 113

History and current state of the forensic linguistics in various countries of the world

- K. V. Zlokazov.** System-functional semiotic approach to analysis of policode text: current state and future perspectives 126

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 342, ББК 67.400, ГРНТИ 10.15., КОД ВАК 12.00.02

О. Л. Казанцева

Барнаул, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: СОСТОЯНИЕ И ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Статья посвящена анализу современного состояния института антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов и их проектов в Российской Федерации. Антикоррупционная экспертиза является одним из направлений государственной антикоррупционной политики. В России за достаточно короткий срок сформирована правовая основа для проведения антикоррупционной экспертизы, однако имеются некоторые недостатки в правовом регулировании антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и их проектов, что порождает проблемы при ее осуществлении. К сожалению, следует признать, что законодатель не уделяет должного внимания вопросам противодействия коррупции на муниципальном уровне. Базовый Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит лишь небольшое количество норм, регламентирующих антикоррупционную деятельность, и только в части вопросов местного значения всех типов муниципальных образований. Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения содержатся в Федеральном законе от 3 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», применение норм которого вызывает больше вопросов, нежели ответов. Так, например, возникает вопрос о правомочности органов государственной власти субъектов РФ проводить антикоррупционную экспертизу муниципальных нормативных правовых актов, поскольку в качестве субъектов ее проведения они в законе не называются.

В результате анализа действующей правовой базы и правоприменительной практики

автор выявляет имеющиеся недостатки в институте антикоррупционной экспертизы, выявляет их основные причины и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, муниципальный правовой акт, юридическая техника, коррупциогенные факторы, антикоррупционная политика.

Сведения об авторе: Олеся Леонидовна Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, независимый эксперт по проведению антикоррупционных экспертиз. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 412. E-mail: verwaltung@mail.ru

O. L. Kazantseva

Barnaul, Russia

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS: STATUS AND SEARCH OF OPTIMAL SOLUTIONS

The article is devoted to the analysis of the current state of the institution of anti-corruption expertise of municipal legal acts and their drafts in the Russian Federation. Anti-corruption expertise is one of the strands of the state anti-corruption policy. A legal basis for conducting anti-corruption expertise has been formed in Russia within a relatively short period of time, however there are some shortcomings in the legal regulation of anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts and their drafts, which causes problems in its implementation. Unfortunately, it should be recognized that the legislator does not pay due attention to the issues of combating corruption at the municipal level. The Basic Federal Law of October 6, 2003 No 131-FZ «On the General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation» contains only a small number of rules regulating anti-corruption activities and only regarding the issues of local importance in of all types of municipalities. The Federal Law of July 3, 2009 No 172- FZ «On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts» contains legal and organizational bases of anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts in order to identify corruption-related factors and their subsequent elimination, The implementation of the norms of the given law raises more questions than answers. Thus, for example, a question arises if authorities of the constituent entities of the Russian Federation have legal power to conduct anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts, since the law doesn't mention them as its subjects.

As a result of the analysis of the existing legal framework and law enforcement practice, the author identifies the shortcomings existing in the institute of anti-corruption expertise, identifies their main causes and suggests ways to solve them.

Key words: anti-corruption expertise, municipal legal act, legal technique, corruption-related factors, anti-corruption policy.

About the author: Olesya Leonidovna Kazantseva, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Constitutional and International Law, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiiy, 68, office 412. E-mail: verwaltung@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1001

Муниципальное нормотворчество представляет собой одно из основных направлений деятельности органов местного самоуправления. Результатом муниципального нормотворчества является муниципальный правовой акт.

Под муниципальным правовым актом понимается «решение, принятое непосредственно населением муниципального образования по вопросам местного значения, либо решение, принятое органом местного самоуправления и (или) должностным лицом местного самоуправления по вопросам местного значения, по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также по иным вопросам, отнесенным уставом муниципального образования в соответствии с федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления и (или) должностных лиц местного самоуправления, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, устанавливающие либо изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер» (ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131)).

Муниципальные правовые акты могут носить нормативный и ненормативный характер. В большей степени в рамках настоящей статьи интерес представляют нормативные правовые акты, поскольку они рассчитаны на многократное применение и распространяют свое действие на неопределенный круг лиц, а следовательно, затрагивают права и свободы широкого круга граждан. Кроме того, только в отношении нормативных правовых актов может проводиться антикоррупционная экспертиза в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – ФЗ № 172).

Поскольку законодательно понятие нормативного правового акта не установлено, следует руководствоваться п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 года № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», где закреплены существенные признаки нормативного правового акта: 1) издание его в установленном порядке, 2) издание его уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, 3) наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, 4) указанные правила поведения рассчитаны на неоднократное применение, 5) указанные правила поведения направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Несмотря на имеющиеся критерии нормативности, названные в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, на практике при определении нормативности муниципальных правовых актов все-таки возникают разногласия между правотворческими органами местного самоуправления и органами прокуратуры, органами юстиции, органами государственной власти субъектов РФ.

Качество муниципальных правовых актов является острой проблемой [Аблиев 2017: 124; Казанцева 2013: 72]. Как показывает практика, именно на уровне местного самоуправления допускается наибольшее количество дефектных норм. При этом низкое качество муниципальных актов характерно преимущественно для сельских поселений. Это обусловлено объективными причинами, а именно отсутствием средств в местном бюджете для формирования кадрового состава органов местного самоуправления лицами, имеющими юридическое образование. Многие исследователи поднимают эту проблему в своих научных трудах [Дымберова 2014: 63; Николаева, Паулов 2018: 278]. Так, например, В. И. Васильев справедливо отмечает: «При определении арсенала антикоррупционных средств, предусматриваемых национальными программами

борьбы с коррупцией, должны реально учитываться возможности муниципальных образований, их специфика» (цит. по [Хабриева 2012: 331]). Данное утверждение абсолютно обосновано. Отсутствие юридических служб, юристов в сельских и поселковых органах местного самоуправления снижает качество и эффективность их нормотворческой деятельности.

Качество нормативных муниципальных правовых актов зависит от соблюдения требований, предъявляемых к ним. К таким требованиям относятся законность и соблюдение юридической техники. В условиях постоянно меняющегося законодательства о местном самоуправлении существенно увеличивается нагрузка органов местного самоуправления, возрастает значение качественной подготовки муниципальных правовых актов, а также соблюдения юридической техники при подготовке их проектов.

Устранить имеющиеся в нормативных правовых актах дефекты призваны правовая и антикоррупционная экспертизы, которые законодатель разделяет. Так, согласно ч. 4 ст. 3 ФЗ № 172 органы, организации, их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу принятых ими нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) при проведении их правовой экспертизы. При этом антикоррупционная экспертиза должна осуществляться в отношении действующих правовых актов одновременно с правовой экспертизой. Исходя из анализа ч. 4 ст. 3 ФЗ № 172 можно сделать вывод о том, что законодатель разграничивает правовую и антикоррупционную экспертизы. Однако в научной литературе можно встретить различные подходы к соотношению данных экспертиз. Так, например, согласно позиции одних авторов, правовая экспертиза рассматривается в широком смысле, в нее включаются судебная, градостроительная, экологическая, криминалистическая экспертизы [Братановский, Зеленов 2012: 20]. Правовая экспертиза рассматривается как сложный, многогранный правовой феномен, включающий наряду с другими видами «антикоррупционную экспертизу». [Петренко 2011: 86]. Другие же авторы разграничивают антикоррупционную экспертизу и правовую, несмотря на их общую составляющую [Балдин 2014: 48; Родионова 2010: 161].

В соответствии со ст. 3 ФЗ № 172 антикоррупционную экспертизу муниципальных нормативных правовых актов (их проектов) проводят органы местного самоуправления, органы прокуратуры (в отношении нормативных правовых актов, указанных в ч. 2 ст. 3 данного Закона) и Министерство юстиции РФ (в отношении уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований при их государственной регистрации).

Анализ положений ст. 3 позволяет сделать вывод о том, что сами разработчики нормативных муниципальных правовых актов проводят антикоррупционную экспертизу в отношении ими же принятых актов. Однако результаты антикоррупционной экспертизы в отношении собственно принятых актов не всегда могут быть объективны. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 2 ФЗ № 172, одним из основных принципов организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является принцип объективности, выражающийся в максимальном абстрагировании от субъективных факторов (эмоционального восприятия информации, личной заинтересованности эксперта, иных обстоятельств) при подготовке выводов по итогам проведения антикоррупционной экспертизы.

В отличие от муниципальных правовых актов, нормативные правовые акты (их проекты) органов государственной власти подлежат помимо ведомственной экспертизы обязательной антикоррупционной экспертизе в Министерстве юстиции России. Поскольку наибольшее количество коррупциогенных факторов обнаруживается в нормативных муниципальных правовых актах, вызывает некоторое недоумение тот факт, что законодатель оставил самый уязвимый уровень власти (муниципальный) без обязательной антикоррупционной экспертизы.

В ФЗ № 172 в качестве субъектов антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов отсутствуют органы государственной власти субъектов РФ. Однако, в соответствии с некоторыми региональными актами о порядке ведения регистра муниципальных правовых

актов, наряду с правовой экспертизой зачастую предусматривалось осуществление антикоррупционной экспертизы.

К примеру, в Алтайском крае был принят Закон от 3 декабря 2008 года № 122-ЗС «О Регистре муниципальных нормативных правовых актов Алтайского края», согласно подп. 4 п. 4 ст. 4 которого при ведении регистра в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством Алтайского края, осуществлялись правовая и антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов в порядке, устанавливаемом Губернатором Алтайского края, и направление в принявший их орган местного самоуправления (должностному лицу местного самоуправления) сведений о выявленных положениях, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, законодательству Алтайского края, уставу муниципального образования, а также о коррупциогенных факторах.

С одной стороны, закрепление такого положения в региональных актах, в частности в Законе Алтайского края от 3 декабря 2008 года № 122-ЗС, входило в противоречие с нормами ФЗ № 172, который не предусматривает такого субъекта антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов как органы государственной власти субъектов РФ. С другой стороны, проведение антикоррупционной экспертизы является объективной необходимостью.

В соответствии с подп. 64 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ отнесено решение вопросов организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов. Согласно п. 2. Положения о ведении федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов, утвержденного постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2008 года № 657, регистр ведется в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, а следовательно, муниципальные правовые акты должны подвергаться правовой экспертизе.

В настоящее время действует Закон Алтайского края от 4 июля 2017 года № 46-ЗС «О регистре муниципальных нормативных правовых актов Алтайского края», согласно подп. 4 п. 3 ст. 5 которого ведение регистра включает в себя проведение правовой экспертизы муниципальных правовых актов, что соответствует ФЗ № 172.

В Алтайском крае уполномоченным органом на ведение регистра муниципальных правовых актов являлось Министерство юстиции Алтайского края. Подп. 6 п. 2.1.1. Положения о Министерстве юстиции Алтайского края, утвержденного Указом Губернатора Алтайского края от 24.11.2016 № 145, закреплял, что Министерство юстиции в сфере обеспечения законности нормативного правового регулирования проводит правовую экспертизу муниципальных нормативных правовых актов, подлежащих включению в регистр муниципальных нормативных правовых актов Алтайского края. В настоящее время в соответствии с Указом Губернатора Алтайского края от 16 октября 2018 года № 156 в структуре органов исполнительной власти Алтайского края образовано Управление юстиции, выполняющее полномочия ранее созданного Министерства юстиции Алтайского края.

Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы содержатся в ФЗ № 172. Методика проведения антикоррупционной экспертизы утверждена Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96, в котором выделяются виды коррупциогенных факторов: положения, которые устанавливают для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил; положения, которые содержат неопределенные, трудновыполнимые, обременительные требования к гражданам и организациям, что создает условия для проявления коррупции.

Поскольку коррупциогенные факторы методикой не раскрываются, а только называются, на практике вызывает затруднение выявление их в нормативных правовых актах и их проектах.

Наиболее распространены следующие коррупциогенные факторы,

выявляемые в муниципальных правовых актах: широта дискреционных полномочий, выраженная в отсутствии сроков или их неопределенности, отсутствии условий принятия решения, отсутствии оснований; дублирующие полномочия органов местного самоуправления; принятие нормативного правового акта за пределами компетенции, а именно нарушение компетенции органов местного самоуправления при принятии нормативных правовых актов; заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; отсутствие или неполнота административных процедур, необходимых для обеспечения интересов жителей муниципального образования; отказ от конкурсных (аукционных) процедур; наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; юридико-лингвистическая неопределенность – употребление не устоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Проведение антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов уже дает положительные результаты, снижая коррупциогенность принимаемых нормативных правовых актов [Муртазина 2010: 159]. В целях совершенствования института антикоррупционной экспертизы муниципальных правовых актов, выявления на ранней стадии правотворческого процесса коррупциогенных факторов в проектах муниципальных правовых актов необходимо систематически повышать правовую грамотность депутатов представительных органов местного самоуправления, муниципальных служащих органов местного самоуправления путем проведения систематических учеб, направленных на разъяснение действующего законодательства, изучение юридической терминологии и правил юридической техники. Таким образом, необходима оптимизация всей правотворческой деятельности органов местного самоуправления, и проводить ее надо совместными усилиями всех уровней публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблиев Т. М.* Теоретические проблемы антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов. Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 123–130.

2. *Балдин А. К.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как инструмент познания правовой материи в системе юридических экспертиз. Современное право. 2014. № 2. С. 46–49.

3. *Братановский С. Н., Зеленов М. Ф.* Сущность антикоррупционной экспертизы как вида правовой экспертизы. Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2012. № 1 (5). С. 20–23.

4. *Дымберова Э. Д.* Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов: состояние и поиск путей совершенствования. Журнал российского права. 2014. № 9 (213). С. 62–68.

5. *Казанцева О. Л.* Проблемы правотворческой деятельности муниципальных образований в Российской Федерации. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2013. Т. 9. № 2. С. 69–74.

6. Коррупция: природа, проявления, противодействие. М., 2012.

7. *Муртазина Г. М.* Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов как мера борьбы с коррупцией. Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1 (13). С. 155–160.

8. *Николаева Д. В., Паулов П. А.* Проблемы нормотворчества органов местного самоуправления. Современные научные исследования и разработки. 2018. № 1 (18). С. 277–279.

9. *Петренко А. В.* Антикоррупционная экспертиза в Российской Федерации как вид правовой экспертизы. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 2 (8). С. 85–87.

10. *Родионова О. Н.* Антикоррупционная экспертиза. Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 158–162.

REFERENCES

1. *Abliyev T. M. Theoretical problems of anti-corruption expertise of municipal normative legal acts and projects of municipal normative legal acts* [Teoreticheskiye problemy antikorrupsionnoy ekspertizy munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov i proyektov munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov]. Theory and practice of social development. 2017. № 6. Pp. 123–130.

2. *Baldin A. K. Anti-corruption expertise of normative legal acts as an instrument of*

knowledge of legal matter in the system of legal examinations [Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak instrument]. Modern law. 2014. № 2. Pp. 46-49.

3. Bratanovskiy S. N., Zelenov M. F. *Essence of anti-corruption expertise as a type of legal expertise* [Sushchnost' antikorrupsionnoy ekspertizy kak vid pravovoy ekspertizy]. Bulletin of the Siberian Academy of Law, Economics and Management. 2012. № 1 (5). Pp. 20-23.

4. Dymberova E. D. *Anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts: status and search for ways to improve* [Antikorrupsionnaya ekspertiza munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov: sostoyaniye i poisk putey sovershenstvovaniya]. Journal of Russian Law. 2014. № 9 (213). Pp. 62–68.

5. Kazantseva O. L. *Problems of law-making activities of municipalities in the Russian Federation* [Problemy pravotvorcheskoy deyatelnosti munitsipal'nykh obrazovaniy v Rossiyskoy Federatsii]. Bulletin of the Novosibirsk State University. Series «Law». 2013. T. 9. № 2. Pp. 69–74.

6. *Corruption: nature, manifestations, opposition* [Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystviye]. Moscow, 2012.

7. Murtazina G. M. *Anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts as a measure to combat corruption* [Antikorrupsionnaya ekspertiza munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov kak mera bor'by s korrupsiyey]. Actual problems of economics and law. 2010. № 1 (13). Pp. 155-160.

8. Nikolayeva D. V., Paulov P. A. *Problems of the rule-making bodies of local governments* [Problemy normotvorchestva organov mestnogo samoupravleniya]. Modern research and development. 2018. № 1 (18). Pp. 277-279.

9. Petrenko A. V. *Anti-corruption expertise in the Russian Federation as a type of legal expertise* [Antikorrupsionnaya ekspertiza v Rossiyskoy Federatsii kak vid pravovoy ekspertizy]. Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and administration. 2011. № 2 (8). Pp. 85-87.

10. Rodionova O. N. *Anti-corruption expertise* [Antikorrupsionnaya ekspertiza]. Russian legal journal. 2010. № 1. Pp. 158-162.

УДК 342.5, ББК 67.401, ГРНТИ 10.15.33, КОД ВАК 12.00.02

Н. А. Кандрина

Барнаул, Россия

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ
ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ИНЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**

В статье представлена общая характеристика становления правовых основ государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти и иными уполномоченными организациями. Особое внимание уделяется Конституции РФ, анализу положений Бюджетного кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ, иных нормативных правовых актов РФ и субъектов РФ. Делается вывод о недостаточности закрепления в ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и других источниках конституционно-правового содержания упомянутых отношений.

Ключевые слова: услуга; государственные услуги; органы исполнительной власти; нормативно-правовые акты.

Сведения об авторе: Надежда Алексеевна Кандрина, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, ауд. 413. E-mail: nadezhda.candrina@yandex.ru

N. A. Kandrina

Barnaul, Russia

**THE LEGAL FRAMEWORK OF THE PUBLIC SERVICES PROVIDED BY
EXECUTIVE BODIES AND OTHER AUTHORIZED ORGANIZATIONS: GENESIS AND
DEVELOPMENT**

The article presents a General description of the genesis of the legal basis of public services provided by the Executive authorities and other authorized organizations. Special attention is paid to the Constitution of the Russian Federation, the analysis of the provisions of the Budget code of the Russian Federation, the Tax code of the Russian Federation, the Civil code of the Russian Federation, and other regulatory legal acts of the Russian Federation and of constituent entities of the Russian Federation. The conclusion is drawn about insufficiency of fixing the mentioned relations in the Federal law On The Organization Of State And Municipal Services Provision and in other sources of the constitutional legal content.

Key words: service; public services, executive authorities, regulatory legal acts.

About the author: Nadezhda Alekseyevna Kandrina, associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Candidate of Law, associate Professor. 656049, Barnaul, Prospect Socialisticheskii, 68, office 413. E-mail: nadezhda.candrina@yandex.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1002

Предоставление государственных услуг является новым явлением в системе государственного управления России, объективно порожденным изменениями социального назначения и задач современного российского государства.

Исследование любого правового института базируется прежде всего на изучении его правовых основ. Применительно к нашему случаю согласно Конституции Российской Федерации законы и иные правовые акты о государственных услугах не должны противоречить Конституции РФ [Конституция РФ 1993: 15].

Необходимо признать, что в Конституции РФ термин «государственная услуга» вообще не упоминается; употребляется лишь понятие «услуга» в содержании рядового конституционного принципа – единство экономического пространства, свобода конкуренции и экономической деятельности, равенство различных форм собственности (части 1 и 2 ст. 8) [Конституция РФ 1993: 8]. Кроме того, развитие упомянутого конституционного принципа нашло своё отражение в конституционных положениях о запрете устанавливать на территории России разного рода препятствия для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1, ст. 74) [Конституция РФ 1993: 74]. Следовательно, целевая ориентация термина «услуга» в Конституции РФ определяется лишь в сфере экономических отношений как вид материальной деятельности. Избранный создателем конституции подход сужает понятие и сущность государственных услуг, характеризует их лишь под углом объектов гражданских прав и не рассматривает услуги как общественные блага, обязанность предоставлять которые несёт государство.

Впервые о государственной услуге как политико-правовой категории было

заявлено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 1998 года [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ: 98]. В нем отмечалось, что оказание государственных услуг является функцией государственных учреждений, а не государственных органов; и эти государственные учреждения должны работать, как правило, на основе самокупаемости [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ: 98].

В отечественной юриспруденции появление термина «государственные (или публичные) услуги» связывают с подготовкой в Администрации Президента РФ первой версии Концепции административной реформы в начале 90-х годов. В упомянутом проекте государственные услуги рассматривались для условного определения объема и содержания полномочий различных видов постсоветских «органов государственного управления, а также во взаимосвязи с развитием системы государственной (публичной) службы» [Кирин 2013: 126]. Л. К. Терещенко пишет, что «предоставление государственных услуг тесно связывается с государственной службой» [Терещенко 2004: 16]. Безусловно, государственные служащие, обеспечивая исполнение полномочий соответствующих государственных органов, непосредственно участвуют в предоставлении государственных услуг населению. В этой связи является справедливым закрепление в 2002 году в Федеральной программе реформирования государственной службы в качестве одного из ожидаемых результатов «достижение качественного уровня исполнения государственными служащими своих должностных (служебных) обязанностей и оказываемых ими гражданам и организациям государственных услуг» [Указ Президента РФ 2002: 1336].

Формально-правовую определенность термин «государственная услуга» приобрел при установлении приоритетных направлений административной реформы в 2003-2004 годах как функция предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам [Указ Президента РФ 2003: 824].

Позднее, по итогам первого этапа административной реформы было

установлено, что оказание услуг является функцией федеральных органов исполнительной власти [Указ Президента РФ 2004: 314]. При этом в качестве органа исполнительной власти, осуществляющего упомянутые функции, определено федеральное агентство [Указ Президента РФ 2004: 314]; это порождает отчасти неоднозначные суждения о правомерности предоставления государственных услуг федеральными министерствами [Приказ МВД России 2017: 851] и федеральными службами [Приказ ФСБ России 2013: 157].

Рассматривая становление правовых основ государственных услуг, нельзя обойти стороной положения проекта федерального закона «О стандартах государственных услуг», разработанного еще в 2005 году [Проект федерального закона 2005] и не ставшего источником права.

В законопроекте было дано, на наш взгляд, более полное, чем закрепленное в настоящее время в Федеральном законе от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Федеральный закон 2010] (далее – Федеральный закон 2010 года), определение понятия государственной услуги, которое характеризуется в настоящее время односторонне, лишь с позиции административно – процессуальной природы.

Законопроектом устанавливалась цель обращения граждан за государственной услугой – реализация их прав, законных интересов либо исполнение возложенных на них нормативными правовыми актами обязанностей; содержалась попытка отграничить деятельность как функцию государственного органа и непосредственно предоставление государственной услуги [Проект федерального закона 2005].

В дальнейшем упомянутые особенности деятельности государственного органа исполнительной власти нашли закрепление в постановлении Правительства РФ от 16 мая 2011 года № 373, установившем требования к разработке и утверждению административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и предоставления государственных услуг [Постановление Правительства РФ 2011].

При характеристике источников государственных услуг возникает вопрос

об отнесении к их числу, в частности Бюджетного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, закрепивших в своих положениях также определение понятия государственных услуг.

Бюджетный кодекс РФ закрепляет общее определение государственных (муниципальных) услуг и работ как вида деятельности, оказываемой (выполняемой) органами государственной власти (органами местного самоуправления), государственными (муниципальными) учреждениями и в случаях, установленных законодательством РФ, иными юридическими лицами (ст.6) [Бюджетный кодекс РФ 1998: 6]. Субъектами, предоставляющими государственные (муниципальные) услуги, выступают, в отличие от Федерального закона 2010 года, не только органы исполнительной власти, местная администрации и органы государственных внебюджетных фондов, но и государственные органы законодательной и судебной власти, государственные (муниципальные) учреждения, иные юридические лица, определенные законом. Следовательно, упомянутые положения Бюджетного кодекса РФ можно рассматривать в качестве общей нормы применительно к предоставлению государственных услуг всеми государственными органами.

Положения Налогового кодекса РФ об услуге раскрывают в общем виде существо этого понятия, признавая особым видом деятельности, «результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» [Налоговый кодекс РФ (часть первая) 1998].

Обращаясь к Гражданскому кодексу РФ, необходимо отметить, что законодатель не закрепляет не только понятие «государственная услуга», что в меньшей степени вызывает сомнения, но и вообще категорию «услуга». Более того, услуги, относящиеся согласно прежней редакции ГК РФ к объектам гражданских прав, в настоящее время таковыми не считаются. Современное гражданское законодательство относит к числу объектов гражданских прав оказание услуг, а не сами услуги (ст. 128 ГК РФ) [Гражданский кодекс РФ (часть первая) 1994: 128].

Анализируя договор возмездного оказания услуг, можно прийти к выводу о том, что под услугой понимается совершение лицом определенных действий или осуществление определенной деятельности (п. 1 ст. 779 ГК РФ), носящей возмездный характер [Гражданский кодекс РФ (часть вторая) 1996: 779].

Применяются ли положения гражданского законодательства к отношениям, возникающим в связи с предоставлением государственных услуг населению? Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ Гражданским кодексом РФ регулируются разнообразные услуги, перечень которых не является исчерпывающим [Постановление Конституционного Суда РФ 2007]. Следовательно, можно предположить, что их разновидностью могут быть и государственные услуги, так как характер деятельности государства – услугодателя (в лице его органов) включает услуги во всех сферах жизнедеятельности. Однако отношения, регулируемые гражданским законодательством, должны носить возмездный характер. Согласно части 1 статьи 8 Федерального закона 2010 года государственные услуги предоставляются заявителям, как правило, на бесплатной основе, за исключением случаев, установленных законом [Федеральный закон 2010: 8].

Нельзя распространить действие норм Гражданского кодекса РФ также на государственные услуги, за предоставление которых взимается государственная пошлина в случаях, порядке и размерах, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [Федеральный закон 2010: 8]; она носит публично-правовой характер, исходящий от воли властного субъекта – государства. Нормы гражданского законодательства не применяются и в случае предоставления органами исполнительной власти и иными уполномоченными организациями государственных услуг за счет средств заявителя.

Следовательно, *предоставление* государственных услуг населению не может рассматриваться в качестве разновидности договора возмездного оказания услуг. Услугодателем при *оказании* государственных услуг не может выступать орган публичной власти; такие услуги могут оказываться государственными учреждениями и предприятиями. Органы публичной власти

государственные услуги предоставляют; и на эти отношения не распространяются положения Гражданского кодекса РФ.

Думается, что федеральный законодатель избрал правильный подход к разграничению природы услуг: при оказании услуг возникают преимущественно гражданские правоотношения; при предоставлении услуг – публично-правовые отношения, обязательным субъектом которых является орган публичной власти. Соответственно и регулирование упомянутых отношений в связи с предоставлением услуг осуществляется специальными источниками, ведущее место среди которых отведено Федеральному закону 2010 года, иным федеральным законам, подзаконным нормативным правовым актам РФ, законам и подзаконным нормативным правовым актам субъектов РФ.

В субъектах РФ предоставление государственных услуг регулируется принимаемыми ими нормативными правовыми актами в соответствии с Федеральным законом 2010 года. Положения о государственных и муниципальных услугах, предоставляемых органами публичной власти субъектов РФ, находят закрепление в конституциях (уставах) [Конституция Республики Марий Эл 1995; Устав Вологодской области 2001; Устав Архангельской области 1995; Устав Воронежской области 2006 и др.], законах [Закон Вологодской области 2010; Закон Калужской области 2011; Закон Новгородской области 2011 и др.] и иных нормативных правовых актах субъектов РФ [Постановление Администрации Алтайского края 2016: 204; постановление Главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края 2012: 680; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2010: 880; и др.].

В основном законодательство субъектов РФ, как и федеральное законодательство, регулирует отношения, связанные с административными процедурами органов исполнительной власти субъектов РФ по предоставлению государственных услуг, раскрывая преимущественно внешний, организационно-правовой, а не сущностный, конституционно-правовой характер.

Отношения по предоставлению органами публичной власти

государственных услуг имеют в основе своей конституционно-правовую природу [Крусс 2010]. На наш взгляд, это обусловлено конституционными предписаниями, включающими основополагающие конституционные принципы, положения о правах и свободах человека и гражданина, разграничение предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов РФ [Кандрина 2016].

Следовательно, определение Федеральным законом 2010 года государственной услуги, в частности как функции органа исполнительной власти, является неправомерным. Более того, согласно изменениям и дополнениям в избирательное законодательство, внесенным в июне 2017 года [Федеральный закон 2017; Федеральный закон 2003], голосование по месту нахождения в день выборов Президента РФ и в органы государственной власти субъектов РФ является фактически разновидностью соответствующих государственных услуг, предоставляемых избирательными комиссиями, а не органами исполнительной власти.

Таким образом, необходимо коренным образом пересмотреть концепцию, предмет регулирования и содержание Федерального закона 2010 года, выступающего в настоящее время в качестве специального правового источника государственных услуг, предоставляемых органами публичной власти. Дальнейшее становление системы правовых источников права граждан на предоставление государственных услуг требует глубокого развития научного конституционно-правового направления, вытекающего из управленческого принципа предоставления государственных услуг. В частности, это касается сущности, форм, направлений, содержания, субъектов, гарантий и ограничений реализации права граждан на предоставление услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 45-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018). Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.07.2018). Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01.06.2017 № 104-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3227.

8. О выборах Президента Российской Федерации: федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 05.12.2017). Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

9. О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 годы)»: указ Президента РФ от 19.11.2002 № 1336. Собрание законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4664.

10. О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах: указ Президента РФ от 23.07.2003 № 824. Собрание законодательства РФ. 2003. № 30. Ст. 3046.

11. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 28.09.2017). Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

12. Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 17.02.1998. Российская газета. 24 февраля 1998.

13. О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг: постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 (ред. от 27.08.2018). Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3169.

14. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации: приказ МВД России от 13 ноября 2017 г.

№ 851. URL :http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284759/

15. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению лицензирования деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: приказ Федеральной службы безопасности РФ от 25.03.2013 № 157. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147171/

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Агентство корпоративной безопасности” и гражданина В.В. Макеева». Собрание законодательства РФ. 2007. № 6. Ст. 828.

17. Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995 (ред. от 31.07.2014). URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/8/.

18. Устав Архангельской области от 23.05.1995 (ред. от 20.12.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/962000387/>.

19. Устав Вологодской области от 18.10.2001 (ред. от 27.06.2017). URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_vologod/chapter/6/.

20. Устав Воронежской области от 07.06.2006 (ред. от 31.10.2017). URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_voroneg/chapter/1/#block_99/.

21. О разграничении полномочий между органами государственной власти в сфере организации предоставления государственных и муниципальных услуг: закон Вологодской области от 03.11.2010 № 2397-ОЗ (ред. от 06.03.2017). URL: <http://base.garant.ru/35706525/>.

22. О разграничении полномочий органов государственной власти Калужской области по реализации Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: закон Калужской области от 06.07.2011 № 169-ОЗ (ред. От 30.03.2017). URL: <http://base.garant.ru/15922715/>.

23. О разграничении полномочий областной Думы и Правительства Новгородской области в области предоставления государственных и муниципальных услуг: закон Новгородской области от 31.01.2011 № 920-ОЗ (ред. от 03.04.2017). URL: <http://base.garant.ru/16546690>.

24. Об утверждении Перечней государственных и муниципальных услуг, предоставление которых осуществляется по принципу «одного окна», в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг: постановление Администрации Алтайского края от 22.06.2016. № 204. URL: <http://docs.cntd.ru/>

document/439090992.

25. О региональных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций): постановление Главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 18.06.2012. № 680 (ред. от 16.12.2015). URL: http://www.mprkk.ru/media/main/attachment/attach/postanovlenie_ot_18.06.2012_n680.pdf.

26. Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Республики Татарстан и о внесении изменений в отдельные постановления Кабинета Министров Республики Татарстан: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 02.11.2010 № 880 (ред. 24.07.2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/917040771>.

27. *Кандрина Н. А.* Предоставление государственных услуг населению как конституционно-правовое отношение. Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.

28. *Кирилин А. В.* Актуальные проблемы теории и практики регулирования сферы государственных и муниципальных услуг. Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 2(23). С. 126.

29. *Крусс В. И.* Публичные услуги в контексте российской конституционализации. Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5.

30. *Терещенко Л. К.* Услуги: государственные, публичные, социальные. Журнал российского права. 2004. № 10. С. 16.

31. О стандартах государственных услуг: проект федерального закона (от 19.01.2005). URL: <http://www.myshared.ru/slide/614294/>.

REFERENCES

1. *The Constitution of the Russian Federation* [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii] (adopted by popular vote on 12/12/1993) (with amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No 6-FKZ, of December 30, 2008 No 7-FKZ, of February 2, 2014 No 2 -FKZ, from 21.07.2014 No 11-FKZ). Collection of the legislation of the Russian Federation. No 31. Art. 4398.

2. *Budgetary Code of the Russian Federation* [Byudzhetnyy kodeks RF] No 45-FL dated July 31, 1998 (as amended on August 3, 2018). Collection of the legislation of the Russian Federation. 1998 No 31. Art. 3823.

3. *Civil Code of the Russian Federation (part one)* [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)] of 11/30/1994. No 51-FL (as amended on 03.08.2018). Collection of the

legislation of the Russian Federation. 1994. No 32. Art. 3301.

4. *Civil Code of the Russian Federation (Part Two)* [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya)] of January 26, 1996 No 14-FL (as amended on July 29, 2017). Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. No 5. Art. 410.

5. *The Tax Code of the Russian Federation (part one)* [Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)] of 07/31/1998. No 146-FL (as amended on 08/03/2018). Collection of the legislation of the Russian Federation. 1998. No 31. Art. 324.

6. *On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law* [Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: federal'nyy zakon] of 07/27/2010. No 210-FL (as amended on 07/29/2018). Collection of the legislation of the Russian Federation. No 31. Art. 4179.

7. *On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law* [O vnesenii izmeneniy v otchel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon] of 01/06/2017 No 104-FL. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017. No 23. Art. 3227.

8. *About the election of the President of the Russian Federation: Federal Law* [O vyborakh Prezidenta Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon] of 10.01.2003 No 19-FL (as amended on 05/12 No 2017). Collection of the legislation of the Russian Federation. 2003. No 2. Art. 171.

9. *About the Federal program «Reforming the State Service of the Russian Federation (2003-2005)»: Presidential Decree* [O Federal'noy programme «Reformirovaniye gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii (2003-2005 gody)»: ukaz Prezidenta RF] of November 19, 2002 No 1336. Collection of the Legislation of the Russian Federation. No 47. Art. 464.

10. *About measures to conduct administrative reform in 2003-2004: Presidential Decree* [O merakh po provedeniyu administrativnoy reformy v 2003-2004 godakh: ukaz Prezidenta RF] of July 23, 2003 No 824. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2003. No 30. Art. 3046.

11. *On the system and structure of federal executive bodies: Presidential Decree* [O sisteme i strukture federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti: ukaz Prezidenta RF] of 09.03.2004 No 314 (as amended on 09/28/2017). Collection of the legislation of the Russian Federation. 2004. No 11. Art. 945; 2010. No 26. Art. 3331.

12. *General forces – to the rise of Russia (on the situation in the country and the main directions of the policy of the Russian Federation): Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation* [Obshchimi silami – k pod'yemu Rossii (o polozhenii v strane i osnovnykh napravleniyakh politiki Rossiyskoy Federatsii): Poslaniye Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF] of February 17, 1998. Russian newspaper. February 24, 1998.

13. *On the development and approval of administrative regulations for the implementation of state control (supervision) and administrative regulations for the provision of public services: Resolution of the Government of the Russian Federation [O razrabotke i utverzhdenii administrativnykh reglamentov osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i administrativnykh reglamentov predostavleniya gosudarstvennykh uslug: postanovleniye Pravitel'stva RF] of 05/16/2011 No 373 (as amended on 08/27/2018). Collection of the legislation of the Russian Federation. 2011 No 22. Art. 3169.*

14. *Administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of state services for the issuance, replacement of passports of a citizen of the Russian Federation, identifying the identity of a citizen of the Russian Federation on the territory of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Administrativnyy reglament Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po predostavleniyu gosudarstvennoy uslugi po vydache, zamene pasportov grazhdanina Rossiyskoy Federatsii, udostoverayushchikh lichnost' grazhdanina Rossiyskoy Federatsii na territorii Rossiyskoy Federatsii: prikaz MVD Rossii] of November 13, 2017 No 851). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284759/*

15. *On approval of the Administrative Regulations of the Federal Security Service of the Russian Federation for the provision of state services for the implementation of licensing activities for the development, production, sale and acquisition for the purpose of selling special technical equipment intended for secretly obtaining information: order of the Federal Security Service of the Russian Federation [Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po predostavleniyu gosudarstvennoy uslugi po osushchestvleniyu litsenzirovaniya deyatel'nosti po razrabotke, proizvodstvu, realizatsii i priobreteniyu v tselyakh prodazhi spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informatsii: prikaz Federal'noy sluzhby bezopasnosti RF] of 25/03/2013. No 157. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147171/*

16. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 No 1-P On the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of the limited liability company Agency for Corporate Security and citizen V. V. Makeeva [Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 23 yanvarya 2007 No 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 1 stat'i 779 i punkta 1 stat'i 781 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Agentstvo korporativnoy bezopasnosti" i grazhdanina V. V. Makeyeva»]. Collection of the legislation of the Russian Federation. No 6. Art. 828.*

17. *The Constitution of the Republic of Mari El [Konstitutsiya Respubliki Mariy El] of*

06/24/1995 (as amended on 07/31/2014). URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/8/.

18. *Charter of the Arkhangelsk region* [Ustav Arkhangel'skoy oblasti] of 05/23/1995 (ed. 12/20/2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/962000387/>.

19. *Charter of the Vologda Oblast* [Ustav Vologodskoy oblasti] of 10/18/2001 (ed. 06/27/2017). URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_vologod/chapter/6/.

20. *Charter of the Voronezh region* [Ustav Voronezhskoy oblasti] of 07/06/2006 (as amended on 10/31/2017). URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_voroneg/chapter/1/#block_99/.

21. *About the delimitation of powers between state authorities in the field of organizing the provision of state and municipal services: the law of the Vologda Oblast* [O razgranichenii polnomochiy mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti v sfere organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: zakon Vologodskoy oblasti] of 03/11/2010 No 2397-OZ (as amended on 03.03.2017). URL: <http://base.garant.ru/35706525/>.

22. *About the delimitation of powers of state authorities of the Kaluga region for the implementation of the Federal Law "On the organization of state and municipal services": the law of the Kaluga region* [O razgranichenii polnomochiy organov gosudarstvennoy vlasti Kaluzhskoy oblasti po realizatsii Federal'nogo zakona « Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug»: zakon Kaluzhskoy oblasti] dated July 06, 2011 No 169-OZ (edition of March 30, 2017). URL: <http://base.garant.ru/15922715/>.

23. *About the delimitation of powers of the regional Duma and the Government of the Novgorod region in the provision of state and municipal services: the law of the Novgorod region* [O razgranichenii polnomochiy oblastnoy Dumy i Pravitel'stva Novgorodskoy oblasti v oblasti predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: zakon Novgorodskoy oblast] of 01/31/2011 No 920-OZ (as amended on 03.04.2017). URL: <http://base.garant.ru/16546690/>.

24. *About approval of the Lists of state and municipal services, the provision of which is carried out on the principle of one window, including in multifunctional centers providing state and municipal services: Resolution of the Administration of the Altai Territory* [Ob utverzhdenii Perechney gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug, predostavleniye kotorykh osushchestvlyayetsya po printsipu «odnogo okna», v tom chisle v mnogofunktsional'nykh tsentrakh predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: postanovleniye Administratsii Altayskogo kraya] dated June 22, 2016 No 204. URL: <http://docs.cntd.ru/document/439090992>.

25. *About regional state information systems providing electronic provision of state and municipal services (performance of functions): the decree of the Head of Administration (Governor) of Krasnodar Region* [O regional'nykh gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh, obespechivayushchikh predostavleniye v elektronnoy forme gosudarstvennykh i munitsipal'nykh

uslug (osushchestvleniye funktsiy): postanovleniye Glavy Administratsii (Gubernatora) Krasnodarskogo kraya] dated 06/18/2012. No 680 (ed. 12/16/2015). URL: http://www.mprkk.ru/media/main/attachment/attach/postanovlenie_ot_18.06.2012_n680.pdf.

26. *On approving the procedure for developing and approving administrative regulations for the provision of public services by the executive bodies of state power of the Republic of Tatarstan and on introducing changes to certain resolutions of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan* [Ob utverzhdenii Poryadka razrabotki i utverzhdeniya administrativnykh reglamentov predostavleniya gosudarstvennykh uslug ispolnitel'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Respubliki Tatarstan i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye postanovleniya Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan: postanovleniye Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan] of 02/11/2010 No 880 (rev. 24.07.2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/917040771>.

27. Kandrina N. A. *The provision of public services to the population as a constitutional legal relationship* [Predostavleniye gosudarstvennykh uslug naseleniyu kak konstitutsionno-pravovoye otnosheniye]. Constitutional and municipal law. 2016. No 11.

28. Kirin A. V. *Actual problems of the theory and practice of regulation of public and municipal services*. [Aktual'nyye problemy teorii i praktiki regulirovaniya sfery gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug]. Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2017. No 2 (23). P. 126

29. Kruss V. I. *Public services in the context of Russian constitutionalization*. [Publichnyye uslugi v kontekste rossiyskoy konstitutsionalizatsii]. Constitutional and municipal law. 2014. No 5.

30. Treshchenko L. K. *Services: state, public, social* [Uslugi: gosudarstvennyye, publichnyye, sotsial'nyye]. Journal of Russian Law. 2004. No 10. P. 16.

31. *On the standards of state services: a draft federal law* [O standartakh gosudarstvennykh uslug: proyekt federal'nogo zakona] (dated January 19, 2005). URL: <http://www.myshared.ru/slide/614294/>.

ЯЗЫК ПРАВА

УДК 81'42, ББК 81.0, ГРНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.19, 10.02.01

М. В. Батюшкина

Омск, Россия

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ СЕМАНТИКИ ДЕЙСТВИЯ

В статье приводятся результаты анализа частотной для текстов законов лексики, передающей семантику действия: существительных, глаголов, причастий, деепричастий (концепция частей речи рассматривается автором с опорой на взгляды профессора В. М. Бельдяна). При рассмотрении существительного затронуты вопросы терминирования, продуктивности / непродуктивности словообразовательных моделей, субстантивации и омонимии. Уделено внимание наименованиям субъектов юридического дискурса, содержащим семантику действия. Глаголы рассматриваются в аспекте форм реализации права (исполнение, использование, соблюдение), политемпоральности. Отмечается, что с помощью глагольных форм нормы закона формулируются безотносительно временных рамок и действие закона главным образом направлено на возможное будущее, последующие события. В некоторых случаях семантика действия распространяется на прошедшее время (когда прошлому времени приписывается признак реальности). Приводятся схемы и примеры вербальных комплексов, маркированных по степени необходимости совершения действия с помощью слов: «вправе» – «может» – «должен» – «обязан». Особый акцент сделан на частицах (бы, ли, не), дифференцирующих и усиливающих модальность предложения. Приводятся примеры речевых формул, используемых для передачи семантики волеизъявления. Уделяется внимание номинализации – замене глагольных форм сочетаниями глаголов и отглагольными существительными. Причастие и деепричастие рассматриваются в качестве полупредикативных частей речи. Частотность причастий рассматривается с точки зрения формальных признаков, по типу суффикса. Деепричастия рассматриваются в аспекте типов текстов, множественности дополнительных действий, которые выражаются деепричастными оборотами.

Обращается внимание на то, что в предложении с деепричастными оборотами основное и дополнительные действия могут быть даны безотносительно к субъекту волеизъявления. Особое внимание уделяется конкретизации семантики действия с помощью наречий. Теоретические обобщения иллюстрируются примерами из Конституции России, федеральных и региональных кодексов и законов.

Ключевые слова: текст закона, части речи, семантика действия, лингвоэкспертный анализ.

Сведения об авторе: Марина Владимировна Батюшкина, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления Законодательного Собрания Омской области. 644002, Омск, ул. Красный Путь, 1, к. 330. E-mail: soulangeana@mail.ru

M. V. Batiushkina

Omsk, Russian Federation

ON THE ISSUE OF EXPRESSING THE SEMANTICS OF ACTION IN LEGISLATIVE TEXTS

The article presents the results of the analysis of the texts of laws in regards to the frequency vocabulary, which conveys the semantics of action: nouns, verbs, participles, and gerunds. (The parts of speech are understood by the author basing on the views of Professor V. Beldiyan.) The noun is explored in terms of naming, productive / non-productive word-building, substantivization and homonymy. Attention is given to the names of subjects of legal discourse that convey the semantics of action. Verbs are considered in the aspect of the forms of exercising law (execution, use, observance), polytemporality. With the help of verbal forms, the norms of the law are formulated regardless of time frames. The law is mainly aimed to be in effect in possible future, and for subsequent events. In some cases, the semantics of the action extends to the past (when the past is viewed as real). There are given schemes and examples of word combinations marked according to the degree of necessity to perform an action expressed by the words given. Particular emphasis is placed on particles that differentiate and enhance the modality of the sentence. There are also given examples of set phrases used to convey the semantics of «will expression». Attention is given to nominalization. The participle and the gerund are considered as semi-predictive parts of speech. The frequency of participle usage is considered from the point of view of formal characteristics, manifested by the type of suffix. The gerunds are considered through the types of texts, and the multiplicity of additional actions, which can be expressed by the participial constructions. Attention is drawn to the fact that in a sentence with an adverbial participial phrase the main and additional actions can be expressed irrespective of the subject of volition. Particular attention is paid to

specifying the semantics of action with the help of adverbs. The theoretical statements are illustrated by examples from the Russian Constitution, federal and regional codes and laws.

Key words: text of the law, parts of speech, semantics of action, linguoexpert analysis.

About the author: Marina Vladimirovna Batiushkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior consultant of the Department of Linguistic Expertise and Legislation Systematization of Legal Department of the Legislative Assembly of Omsk Region. 644002, ul. Krasny Put, office 330, Omsk. E-mail: soulangeana@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1003

Вводные положения. Формальную определенность правовому содержанию придает профессиональный юридический язык, являющийся тем лингвосемиотическим кодом, благодаря которому выражаются генетические и функциональные связи законодательного текста и юридического дискурса, формируется правовая идеология и правовое сознание российского общества. С помощью языка адресату навязывается система ценностей, представлений и конструируется необходимая модель мира.

В основе создания законодательного текста лежит взаимодействие языковых и речевых средств, выбор которых обусловлен семантической доминантой закона. Использование данных средств, их регулярная воспроизводимость зависят от законотворческой традиции, приемов построения законов разных текстотипов (субжанров), прагматических, контекстных ограничений, а степень очевидности – от уровня компетенции интерпретатора.

К языковым средствам, используемым при создании законодательного текста, мы относим грамматические и семасиологические. Грамматические средства рассматриваются на основе анализа морфологических, словообразовательных и синтаксических средств. Семасиологические – на базе категорий лексикологии и теории высказывания. Под речевыми средствами понимаются логические приемы соотношения, комбинирования и замещения в законодательном тексте языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), а также функционально-стилистических типов текстов (волеизъявлений, определений, описаний и др.), используемых при создании закона определенного

субжанра (базового, нормоизменяющего, нормоприостанавливающего, нормотолкующего и др.).

Материалом исследования являются тексты российских законов, принятых в период с начала 90-х годов: Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных кодексов и иных законов, а также конституций (уставов), кодексов и иных законов 85 субъектов РФ. Печатные версии законов анализируются нами на основе публикаций в официальных изданиях, электронные – на основе электронных образцов законодательных текстов, размещенных на Официальном интернет-портале правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>), а также в справочных правовых системах «Консультант Плюс», «Консультант Плюс Регион».

В работе используются методы сплошной выборки, компонентного и контекстуального анализов, позволившие выделить корпус релевантных для исследования языковых единиц и провести необходимые подсчеты. Для выявления обусловленности свойств дискурсивного пространства законодательных текстов действием экстралингвистических факторов был использован функционально-семантический анализ.

Некоторые результаты исследования. Морфологические и словообразовательные средства (именно о них, прежде всего, мы будем говорить в дальнейшем) рассматриваются при исследовании особенностей образования частотной для законодательных текстов лексики, с помощью которой выражается система правовых понятий.

Категория частотности может быть рассмотрена применительно к наиболее продуктивным способам образования регулярно употребляемых классов слов – частей речи. Принимая во внимание тот факт, что вопрос о выделении частей речи до настоящего времени однозначно не решен и нет единых принципов классификации частей речи (в частности, при проведении исследования учитываются точки зрения, изложенные в [Алпатов 1990; Виноградов 1947; Зализняк 1977; Евтюхин 2008; Кубрякова 1978; Панов 1960; Чичинава 2011] и др.), в данном исследовании мы придерживаемся теории

В. М. Бельдяна (развивающего учение одного из основателей Московской лингвистической школы П. С. Кузнецова) и понимаем под частью речи грамматический разряд слов, представляющий собой наиболее обобщенную грамматическую категорию, характеризующуюся единой грамматической моделью [Бельдян 2016: 136-139; Кузнецов 2003].

В основе построения концепции частей речи В. М. Бельдяна лежит понятие грамматической формы, которая представляет собой многоплановое иерархическое образование, включающее внутреннюю форму (морфемную структуру), внешнюю форму (сочетаемость слов и типы их связи в словосочетаниях), словообразовательные процессы, которые также могут быть представлены в виде грамматической модели (комплекса форм).

На основе определения наличия / отсутствия внутренних и внешних форм В. М. Бельдян разграничивает самостоятельные, служебные и обособленные части речи. К самостоятельным частям речи относятся знаменательные части речи, характеризующиеся как внешней формой, так и специфичными для каждой части речи внутренними формами (имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие); полупредикативные части речи (причастие, деепричастие); указательные части речи (местоимение, числительное); категории (состояния, ощущения, звукоподражательности, императивности, меры и степени). К служебным частям речи относятся: вспомогательные части речи (связка, вспомогательный глагол, модальное слово); связующие части речи (предлог, союз, частица). К обособленным – междометие и вводное слово.

В силу функциональности и прагматики при построении законодательных текстов не используются категории состояния и ощущения (*Мне нездоровится. Я рад встрече*), звукоподражательности (*мяу, тик-так*), междометия (*Ах! Ох! Ура! Увы!*).

Практически не представлена такая группа обособленных частей речи, как вводные слова, поскольку их функциональность заключается в выражении авторской позиции по отношению к передаваемой информации. В качестве единичных примеров можно привести следующие: «*Отношения автономных*

*округов <...> могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области» [ст. 66 Конституции РФ]; «В числе таких факторов учитывается, **по крайней мере**, один из следующих» [ст. 17 Фед. закона № 165-ФЗ]. Следует также отметить, что вводные слова употребляются в региональных законах, предусматривающих принятие социально-экономических программ: «**К сожалению**, меры, предусмотренные в указанном документе, реализуются частично либо вовсе не выполняются» [прил. к закону Самарской области № 15-ГД].*

Семантика действия выражается в законодательных текстах с помощью отглагольных существительных, глаголов, причастий и деепричастий. Модальность дифференцируется или усиливается с помощью частиц. Конкретизаторами семантики действия выступают наречия.

Поскольку характерной особенностью законодательных текстов является преобладание имени существительного (частотность слов данной части речи обусловлена терминованностью законов, невозможностью (за редкими исключениями) замены терминов и понятий местоимениями в силу постулируемого принципа юридико-технического единообразия), рассмотрим сначала отглагольные существительные, с помощью которых формируется представление о действии в отвлечении от самого действия и производителя действия.

Наиболее употребительными являются отглагольные существительные с суффиксами-субстантиватами:

-ениј-: *вступление (в брак), вынесение (приговора), выражение (согласия), дарение, исчисление (сроков), наложение (ареста, взыскания), ношение (оружия), лишение (звания), погашение (судимости), смягчение (наказания), сопровождение, уведомление, удочерение, уклонение и др.;*

-ниј-: *блокирование, взыскание, воздержание (от действий), голосование, дознание, завещание, задержание, отобраение (ребенка), помилование, рассекречивание, состояние (в браке, акты гражданского состояния),*

страхование, удержание, указание и др.

Менее распространено образование отглагольных существительных с помощью суффиксов: *-иј-*: *закрытие / открытие, изъятие, прибытие / убытие, принятие, снятие*; *-яниј-*: *деяние*.

Большая часть таких существительных образована от глаголов совершенного вида. Примеры существительных, образованных от глаголов несовершенного вида: *ведение, дарение, деяние, наблюдение, пребывание, проживание, пользование, понуждение, регулирование, содержание, требование, формирование, хищение*.

Замена глагольных форм отглагольными существительными нередко используется при определении понятий. Например, под «некурительными табачными изделиями» понимаются «*табачные изделия, предназначенные для сосания, жевания или нюханья*» [ст. 2 Фед. закона № 268-ФЗ].

Обратим внимание на то, что в силу субстантивации в юридическом дискурсе широко используются омонимы, сравните: *властное решение* (волеизъявление) – *опубликовать решение* (документ); *заключение под стражу* (процесс) – *правовое заключение* (документ); *накопление имущества* (процесс) – *пенсионные накопления* (денежные средства). Некоторые из отглагольных существительных утратили значение действия и не имеют омонимов со значением процессуальности, например: *звание, отношение, собрание*.

Высокопродуктивно использование существительных, передающих значение «действие как процесс» / «действие как результат», образованных с помощью суффиксов *-ациј-* (*-яциј*), *-циј-*: *агитация, акклиматизация, аккредитация, аттестация, гармонизация, идентификация, инвентаризация, конфискация, ликвидация, нормализация, реабилитация, регистрация, реструктуризация, селекция, сертификация, трансляция*; а также *-ств-*: *производство (досудебное, конкурсное), разбирательство* и др.

Для обозначения статусно-функциональной роли субъекта юридического дискурса чаще всего используются отглагольные существительные с суффиксом *-тель*: (V→N) *даритель, дознаватель, жертвователь, завещатель, (присяжный)*

заседатель, избиратель, наниматель, нарушитель, обвинитель, обладатель, свидетель, следователь; (V+N → N) арендодатель, водопользователь, выгодоприобретатель, залогодатель, законодатель, лизингодатель, правообладатель, правоприменитель, работодатель, ссудодатель / ссудополучатель и мн. др.

Продуктивным способом образования наименований субъектов юридического дискурса является переход в разряд имен существительных причастий: *голосующий, обвиняемый, осуждённый, подозреваемый, подсудимый, потерпевший, председательствующий, служащий, управляющий (арбитражный, внешний, временный, конкурсный), уполномоченный, управомоченный* и др.

Большой пласт правовой лексики составляют существительные со значениями «действие» / «результат действия», образованные от глаголов с помощью усечения, как простого (безаффиксный способ), так и осложненного суффиксальным способом образования:

V → N: ввоз/вывоз, выгул, вылов, выпуск (товаров, ценных бумаг), допуск (к государственной тайне), досмотр (транспортного средства), залог, запрет (на ношение оружия), отвод, отгул, перепись, подлог, подкуп, пуск, раздел (имущества), разрыв, розыск, сбор, сброс, ход и др.;

V + суффикс -к- → N: взятка, выписка, заготовка (древесины, донорской крови), закупка (товаров, работ, услуг), застройка, заявка, неявка, оговорка, перевозка, подделка, (государственная) поддержка, поправка, рубка (лесных насаждений) и т.д.

Менее продуктивны, но активно используются отглагольные существительные с суффиксами -ёж- (*грабёж, платёж*), -ж- (*кража, продажа*), -б- (*борьба, служба*).

Продуктивный для законодательных текстов прием замены глаголов отглагольными существительными приводит к тому, что с помощью данного многочисленного класса лексики в законодательных текстах главным образом выражается категория темпоральности и типы темпоральных отношений. При

этом признак темпоральности составляет не ядро, а периферийную часть семантической структуры отглагольных существительных. В семантической структуре таких существительных признак действия представлен в виде пресуппозиционной информации.

С помощью глаголов выражаются три основные формы реализации права: исполнение, использование и соблюдение. В силу специфики реализуемой коммуникативной стратегии данные формы следует рассматривать в качестве реализации модальности долженствования.

Действие, которое передает глагол (в законодательных текстах в основном используются неличные формы глаголов), одновременно может распространяться либо на настоящее, прошлое и будущее, либо настоящее и будущее. Позиционируемая возможность воздействовать на прошлое (когда прошлому времени приписывается признак реальности) или будущее, упорядочивать события, оставшиеся в прошлом или еще не наступившие, придает закону политемпоральный характер. Однако, как правило, нормы закона формулируются безотносительно временных рамок и действие закона направлено на возможное будущее, последующие события (одномоментные, повторяющиеся или длящиеся).

При анализе законодательных текстов мы отметили высокую продуктивность пассивного (страдательного) залога, с помощью которого субъект действия «отодвигается» на второй план, ключевым становится предмет речевой ситуации – возложение обязанностей, предъявление требований и проч. Пассивные конструкции формулируются на основе безличных или возвратных глаголов с постфиксом -ся. Примеры: «*Выборы депутатов Государственной Думы нового созыва **назначаются** Президентом Российской Федерации*» [ст. 5 Фед. закона № 20-ФЗ]; «*Органами местного самоуправления **осуществляются** управление и распоряжение земельными участками, находящимися в муниципальной собственности*» [ст. 11 Земельного кодекса РФ]. В этих примерах объект выражается подлежащим, субъект – дополнением. В следующем примере субъект действия вообще не выражен: «*При приеме на*

работу на срок до двух месяцев испытание работникам не устанавливается» [ст. 289 Трудового кодекса РФ].

Активный (действительный) залог используется при формулировании текстов присяг, клятв, напр.: *«Посвящая себя служению России и Закону, торжественно **клянусь** <...> **Сознаю**, что принятие Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в Следственном комитете»* [ст. 19 Фед. закона № 403-ФЗ].

При передаче значения волеизъявления, как правило, используются инфинитивы совершенного вида, реже инфинитивы несовершенного вида и двувидовые глаголы (*утвердить, ввести, заменить, исключить, считать, ратифицировать* и т.д.).

Совершенный вид позволяет передавать значения законченного, результативного и целостного действия (*«**Утвердить** схему одномандатных избирательных округов для проведения выборов»* [ст. 14 Фед. закона № 300-ФЗ]). Глаголы несовершенного вида используются либо для передачи значения процессности, потенциальной повторяемости моделируемых ситуаций (*«В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о валютном регулировании и валютном контроле, выплата заработной платы **может производиться** в иностранной валюте»* [ст. 131 Трудового кодекса РФ]), либо в значении единичного законченного действия, то есть в значении совершенного вида (*«При прохождении границы судебных участков по мосту границей **считать** середину моста»* [прил. к закону Омской области № 323-ОЗ]).

Как отметил В. В. Виноградов, модальность инфинитивных предложений определяется самой формой инфинитива и интонацией [Виноградов 1975: 265]. В инфинитивных предложениях прямо выражено отношение к адресату закона посредством интонаций требования, побуждения или приказа.

Проведенный анализ подводит нас к выводу о том, что немаловажную роль в выражении волеизъявления выполняют частицы, которые дифференцируют и усиливают модальность предложения.

Так, с помощью частицы **бы** образуется условное наклонение, передающее значение возможного, предположительного действия, напр.: «*в случае реализации соответствующего базисного актива по договору купли-продажи такие доходы не признавались бы доходами от пассивной деятельности*» [ст. 2 Налогового кодекса РФ].

Частица **ли** привносит в общую семантику нормы значения «требование уточнения», «побуждение к ответу», напр.: «*основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ закон*» [ст. 36 Фед. конст. закона № 1-ФКЗ].

Антонимичное значение образуется с помощью прибавления к глагольным (инфинитивным), причастным конструкциям частицы **не**. Примеры: «*Лица, не участвующие в реализации проекта, не вправе владеть земельными участками*» [ст. 5 Фед. закона № 216-ФЗ]; «*инвестиционный советник не обязан проверять достоверность представленной информации*» [ст. 6.1 Фед. закона № 39-ФЗ].

Императивная модальность может быть передана при помощи вербальных комплексов, маркированных по степени необходимости совершения адресатом по воле адресанта какого-либо действия с помощью слов: «вправе» – «может» – «должен» – «обязан».

При необходимости передачи значения «свободы усмотрения», «разрешения на какие-либо действия», «наличия у субъекта права на какие-либо действия», «возможности, близкой к необходимости» используется одна из следующих двух и более компонентных моделей:

- «вправе» + инфинитив (*вправе участвовать, вправе избирать*);
- «вправе» + терминологическое сочетание, построенное на базе инфинитива (*вправе принять участие, вправе быть избранным*);
- форма 3 л. един. или множ. числа глагола «иметь» + терминологическое сочетание со словом «право» и инфинитивом (*имеет право участвовать, имеют право избирать*);
- форма 3 л. един. или множ. числа глагола «иметь» + терминологическое

сочетание, построенное на базе инфинитива (*имеет право принимать участие, имеют право быть избранными*);

– форма 3 л. един. или множ. числа глагола «мочь» + инфинитив (*может производиться, могут превышать*);

– форма 3 л. един. или множ. числа глагола «мочь» + инфинитив (чаще всего «быть») + краткое причастие или наречие (*(решение) может быть обжаловано, (срок содержания под стражей) может быть продлен*).

Пример предложения: *«При ненадлежащем исполнении своих обязанностей совет многоквартирного дома **может быть досрочно переизбран** общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме»* [ст. 161.1 Жилищного кодекса РФ].

При формулировке обязательных для исполнения требований используются (1) двухкомпонентные сочетания слов, передающих модальность долженствования, и инфинитива (*должен/должны предусматривать, должна/должны содержать, обязан/обязаны уведомить, обязан/обязаны проинформировать*), либо (2) трехкомпонентные сочетания, состоящие из инфинитива, слов с модальной семантикой и кратких причастий или наречий (*должно быть предусмотрено, должен быть проинформирован, должен быть установлен, должен быть обеспечен, должен быть менее*).

Примеры предложений: *«Срок действия банковской гарантии, предоставленной в качестве обеспечения заявки, **должен составлять** не менее чем два месяца с даты окончания срока подачи заявок»* [ст. 44 Фед. закона № 44-ФЗ]; *«Договор синдицированного кредита (займа) **должен быть заключен** в письменной форме»* [ст. 2 Фед. закона № 486-ФЗ].

Повелительная семантика выражается с помощью сочетания инфинитива и существительного, обозначающего субъекта-адресата законодательного текста. Однако такие сочетания, как: *«**Правительству Российской Федерации внести** в Государственную Думу проекты»* [Фед. закон № 79-ФЗ], более свойственные текстам указов, малоупотребительны.

В настоящее время наиболее частотны речевые формулы, построенные на

основе инфинитивов, употребляемые при внесении изменений в законодательные тексты (*внести следующие изменения, дополнить словами, изложить в следующей редакции, заменить цифрами*), признании законодательных текстов утратившими силу (*признать утратившим силу*), приостановлении законов (*приостановить действие*). При этом в текстах, содержащих такие формулы, никогда не указывается субъект, на которого направлено волеизъявление и который должен осуществить соответствующее действие (то есть *внести, дополнить, приостановить* и др.).

Особенностью законодательных текстов является номинализация – замена глаголов сочетаниями глаголов с существительными, чаще всего отглагольными: *оказывать помощь* вместо *помогать*, *подлежит использованию* вместо *используется*, *осуществлять правосудие* вместо *судить*, *пребывать в должности судьи* вместо *быть судьей*, *имело место* вместо *происходило*, *поставить под сомнение* вместо *сомневаться*.

При этом если ранее был принят закон, в котором использовался глагол, то впоследствии в такой текст могут быть внесены изменения, направленные на замену глагола сочетанием глагола с существительным или наречием. Подобное изменение, в частности, было предусмотрено Федеральным законом № 506-ФЗ, которым в статье 3 Федерального закона «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере» предлагалось (цитируем) «слово *предоставляет* заменить словами *вправе предоставить*».

Уточнению глагольной семантики способствует префиксация с помощью префиксов *вы-*, *из-*, *ис-*, *про-*, *со-*: *выбыть, известить, истребовать, проживать, сопроводить*.

Причастие и деепричастие традиционно рассматриваются в качестве форм глагола ([Русская грамматика 1980; Богданов 2011; Буланин 1983; Сай 2014] и др.). Как было отмечено выше, в данной статье причастие и деепричастие исследуются в качестве полупредикативных частей речи.

У причастий и деепричастий есть две наиболее значимые особенности: с одной стороны, они выделяются (обособливаются) в тексте от остальных групп

частей речи в постпозитиве, но связаны с данными группами грамматически; с другой стороны, причастия и деепричастия имеют внутренние формы разных частей речи. Причастия, подобно прилагательным, обладают свойствами имени: имеют формы рода, числа и падежа, страдательные причастия – краткие формы; в предложениях причастия являются определениями. Подобно глаголам, причастия имеют формы вида, залога, возвратности и времени. Мы разделяем позицию С. С. Сай в том, что причастие, подобно глаголу, всегда указывает на некую локализованную во времени и пространстве ситуацию, которая может быть описана определенным глаголом; действительные причастия являются средством релятивизации подлежащего, а страдательные – прямого дополнения [Сай 2014].

С точки зрения формального признака, определяемого по типу суффикса, в законодательных текстах наиболее распространены формы причастий:

- действительного залога настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения при помощи суффикса -ющ-: *временно отсутствующий работник; документ, заменяющий паспорт гражданина; информация, составляющая коммерческую тайну; имущество, обстоятельства,отягчающие ответственность;*

- действительного залога прошедшего времени, образованные от основ на гласную с помощью суффикса -вш-: *вновь открывшиеся обстоятельства; впервые ставшие налогоплательщиками; товар, бывший в употреблении; судно, пропавшее без вести; лицо, получившее разрешение;*

- страдательного залога настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения при помощи суффикса -ем-: *изымаемый земельный участок; впервые выпускаемая в обращение продукция; облагаемые налогом доходы; цели, определяемые уставом;*

- страдательного залога прошедшего времени, образованные при помощи суффиксов:

- енн- / -ённ- (от глаголов на -ить): *впервые совершённое административное правонарушение; вред, причинённый преступлением;*

наследник, лишённый наследодателем наследства; деяние, совершённое невиновно; доходы, полученные преступным путем; лица, условно осуждённые; сделки, совершённые под условием;

-нн- (от глаголов на -ать): впервые обнародованные путем опубликования; управляющая компания, отобранная по конкурсу; имущество, завещанное наследникам в равных долях.

Менее частотны формы причастий:

- действительного залога настоящего времени, образованные от глаголов II спряжения с помощью суффикса -ащ-, -ящ-: *предмет, подлежащий конфискации; предмет, входящий в имущество; дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации;*

- действительного залога прошедшего времени, образованные от основ на согласную с помощью суффикса -ш-: *судно, конструктивно погибшее; лица, не достигшие возраста восемнадцати лет;*

- страдательного залога настоящего времени, образованные от глаголов II спряжения с помощью суффикса -им-: *лицо, ранее судимое; действия, производимые по ходатайству защитника;*

- страдательного залога прошедшего времени, образованные с помощью суффикса -т-: *имущество, изъятое из оборота; имущество, нажитое в период брака.*

При употреблении кратких страдательных причастий отмечается усиление процессуальной семантики: *наказание назначено, имущество изъято, определены законом, установлены судом, деяние совершено* и др.

Для юридического дискурса продуктивен процесс адъективации причастий, при котором причастие утрачивает семантические и синтаксические свойства глагола и переходит в разряд прилагательного, обозначающего устойчивый вневременной признак предмета (*оспоримая сделка, неделимые вещи, неотделимые улучшения, прибывшие грузы, причиненный вред, товар надлежащего качества, утраченное имущество*). Адъективация причастий может сопровождаться метонимическим переносом (*подставное лицо, текущий*

месяц, работа на руководящих должностях, изложить в следующей редакции).

Активно используется прием номинализации: *оказывающий помощь* вместо *помогающий*, *осуществляющий сбор* вместо *собирающий*, *подлежащий использованию* вместо *используемый*, *заявляющий возражения* вместо *возражающий* и т.п.

По сравнению с причастиями, деепричастные формы менее частотны. Деепричастия, как одиночные, так и с зависимыми словами, употребляются в том случае, когда в законодательном тексте делается акцент на дополнительных или второстепенных действиях, предшествующих либо сопутствующих основному действию субъекта юридического дискурса. При этом употребляются деепричастия как несовершенного вида (*принимая, осуществляя, реализуя, контролируя, исправляя*), так и совершенного вида (*предприняв, исполнив, распустив, достигнув*).

Примеры предложений: *«Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда РФ, **подчиняясь** при этом только Конституции РФ, ничему и никому более»* [ст. 10 Фед. конст. закона № 1-ФКЗ]; *«Прокурор, **приняв** постановление об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, приглашает следователя, подозреваемого или обвиняемого и его защитника»* [ст. 2 Фед. закона № 141-ФЗ].

Способность деепричастий выражать обстоятельственные характеристики наиболее ярко проявлена в преамбулах к конституциям (уставам), в которых используются перечни деепричастных оборотов. Например, в преамбуле к Конституции РФ сосредоточены девять деепричастных оборотов (***утверждая** права и свободы человека, гражданский мир и согласие, **сохраняя** исторически сложившееся государственное единство, **исходя из** общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, **чтя** память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, **возрождая** суверенную государственность России и **утверждая** незыблемость ее демократической основы, **стремясь** обеспечить благополучие и процветание*

России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества).

Примечательно, что основное и дополнительные действия могут быть даны безотносительно к субъекту волеизъявления, напр.: *«**Выражая** интересы и волю населения, **стремясь** к развитию экономики и культуры <...>, **реализуя** полномочия, предоставленные Конституцией РФ, принимается настоящий Устав (Основной Закон) Орловской области»* [преамбула к закону Орловской области № 7-ОЗ].

При анализе законов мы отметили еще один специфичный тип текстов, в которых активно используются деепричастные обороты, – картографические описания границ. «Границы» в таких текстах наделяются качествами активного субъекта, производящего различного рода действия, безотносительно к законодателю, который, по сути, посредством закона устанавливает и описывает границы какой-либо территории. Напр.: *«**Пройдя** через трассу в юго-западном направлении, граница, **двигаясь** вдоль полевой дороги южнее, поднимается на юго-восточные склоны г. Берт-Даг <...> идет по кромке леса, **не меняя** направления, вдоль пахотного массива и в 1,5 километра до его конца поворачивает на юг. **Продвигаясь** по лесу, выходит на юго-западный пахотный массив»* [прил. к закону Республики Тыва № 268 ВХ-1].

Как было отмечено выше, конкретизаторами семантики действия выступают наречия, употребляемые при отглагольных существительных, глаголах, полных и кратких причастиях, реже – деепричастиях. При анализе материала, в зависимости от лексических значений, наречия были отнесены к одному из укрупненных семантических классов: образа действия, меры и степени, временным, пространственным и количественным. Оставляя за рамками статьи детальный анализ употребления наречий, обратим внимание на следующее (далее при рассмотрении классов примеры наречий приводятся по частотности употребления).

Преобладающими в законодательных текстах являются наречия образа действия, отвечающие на вопрос «как?» и передающие различные частные виды

общего качественно-характеризующего значения, а именно:

(1) наречия образа действия на -о, -е, -и, мотивированные качественными прилагательными и омонимичные кратким прилагательным (*незамедлительно, своевременно, умышленно, фактически* и др.), напр.: «*В случае вынесения судьей определения об отказе в наложении ареста на имущество его копия незамедлительно направляется прокурору*» [ст. 27.20 КоАП РФ];

(2) наречия, мотивированные предложно-падежными сочетаниями:

П.п. (*в виде, в целом, вообще* и др.), напр.: «*Третье чтение проекта закона <...> и заключается в рассмотрении поправок и (или) голосовании по вопросу о принятии законодательного акта в целом*» [п. 9 ст. 29 закона Тюменской области № 121];

Р.п./В.п. (*подряд, взамен, без ведома* и др.), напр.: «*приобретение имущества взамен отчужденного*» [Фед. закон № 495-ФЗ];

Д.п. (*по неосторожности, по легкомыслию* и др.), напр.: «*преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности*» [ст. 26 УК РФ];

Т.п. (*под условием, с умыслом* и др.), напр.: «*не допускается принятие наследства под условием или с оговорками*» [ст. 11.52 ГК РФ].

Среди наречий меры и степени, передающих значение интенсивности проявления признака, было отмечено преобладание наречий *особо, исключительно, сверх, излишне, значительно, чрезмерно*, выражающих абсолютно (максимально) возможную или высокую (значительную) меру либо степень проявления признака. В региональных законах употребляются наречия *почти, слегка, совсем, вовсе*, выражающие минимально возможную или незначительную (недостаточную) меру либо степень проявления признака.

Примеры: «*особо охраняемые природные территории*» [Фед. закон № 33-ФЗ]; «*возврат (зачет) суммы излишне уплаченного (взысканного) налога*» [ст. 104 НК РФ]; «*вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества*» [ст. 37 СК РФ]; «*численность занятых в сельском хозяйстве снизилась почти на треть*» [прил. к закону Московской области № 165/2001-

ОЗ]; «далее граница **идет** в восточном-северо-восточном направлении, **слегка отклоняясь** сначала на северо-восток» [прил. к закону Ярославской области № 105-з].

Временные наречия – *вновь, впервые, впоследствии, затем, снова, всегда, вначале, никогда, потом, сейчас, теперь, вовремя* – используются для выражения значения определенной или неопределенной локализации какой-либо ситуации во времени, кратности / длительности, однократности / многократности, одновременности / последовательности совершения действия. Примеры: «**лицо, впервые совершившее** преступление небольшой или средней тяжести» [ст. 75 УК РФ]; «**затем** председательствующий **выясняет**, поддерживается ли административный иск» [ст. 156 КАС РФ].

Наречия места употребляются для передачи значения статического нахождения объекта относительно ориентира (*внутри, снаружи, здесь же, здесь, внизу, сверху, снизу, близ, везде, нигде, вдали, негде, наверху, тут же*). Примеры: «**распределение депутатских мандатов внутри** списка кандидатов» [ст. 98 закона Тюменской области № 139]; «**здесь граница поворачивает** на запад» [закон Хабаровского края № 208]; «**наверху у древка помещен** сокращенный вариант герба Смоленской области» [ст. 5 закона Смоленской области № 75-з].

Используемые в текстах законов наречия пространства передают значения «направление к ориентиру» / «направление от ориентира», различные оттенки пространственной ориентации в пределах верхней / нижней, левой / правой частей чего-либо. Напр.: «**поднимается наверх** и уже на левом берегу на расстоянии 4–5 км от русла **сворачивает вниз** по течению» [прил. к закону Республики Тыва № 268 ВХ-1]. Широкое использование наречий пространства в текстах-описаниях государственной символики, территориальных границ (*вверх, вниз, отсюда, сюда, оттуда, вглубь, наверх*) мы объясняем необходимостью специального выделения визуальной составляющей изображаемых предметов, формирования ощущения многомерного пространства.

Для передачи значения определенного/неопределенного количества, кратности применяются количественные наречия, отвечающие на вопросы

«сколько раз?», «во сколько раз?»: *единовременно, однократно, дважды, наполовину, вдвое, трижды, единственно, единожды, четырежды, разово, трехкратно, двукратно*. Примеры: «тиражная лотерея **проводится** **единовременно** после распространения лотерейных билетов» [ст. 3 Фед. закон № 138-ФЗ]; «общий объем бесплатного эфирного времени **увеличивается вдвое**» [ст. 66 Фед. конст. закон № 138-ФКЗ].

Выводы. Из вышеизложенного следует, что для передачи семантики действия в законодательных текстах используются регулярно воспроизводимые лексико-грамматические средства. Частотность и продуктивность данных средств не только свидетельствуют о традициях и специфике лингвистического оформления правовой мысли, но и влияют на развитие русского языка как государственного, используемого для целей законотворчества. За рамками рассмотрения осталось немало иных примеров. Но даже те, что приведены, дают достаточно ясное представление о том, каким образом происходит трансляция семантики действия.

Поскольку многие аспекты феномена моделирования и лингвоэкспертного анализа текстов современных законов еще не получили достаточного освещения в научной литературе, как вербальные, так и невербальные средства, формирующие лингвопрагматический, лингвокультурный и аксиологический потенциал дискурсивного пространства законодательных текстов, заслуживают дальнейшего детального рассмотрения. Предложенный в статье материал можно рассматривать в качестве анонса такого исследования, предназначенного для представителей и фундаментальных, и прикладных научных дисциплин: лингвистики, юриспруденции, юрислингвистики, экспертологии, стилистики и жанроведения. Полагаем, что результаты нашего обобщения и примеры будут интересны и практикующим экспертам-лингвистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтатов В.М. Теория и типология частей речи. Части речи: Теория и типология. М., 1990.
2. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Основы теории языка и речи: курс лекций. Омск,

2016.

3. *Богданов А. В.* Семантика и синтаксис отглагольных адъективов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
4. *Буланин Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории. Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л., 1983. С. 94-115.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л. 1947.
6. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка). Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975. С. 254-295.
7. Гражданский кодекс РФ. Часть первая (от 30.11.1994 № 51-ФЗ). Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
8. *Евтюхин В. Б.* Введение в морфологию. Морфология современного русского языка. СПб., 2008. С. 4–84
9. Жилищный кодекс РФ (от 29.12.2004 № 188-ФЗ). Российская газета. 2005. 12 января. № 1.
10. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
11. Закон Московской области от 31.10.2001 № 165/2001-ОЗ «Об Областной целевой программе “Содействие организациям Московской области в профессиональном развитии персонала на 2002-2003 годы”». Ежедневные Новости. Подмосковье. 2001. 15 ноября. № 162.
12. Закон Омской области от 18.12.2001 № 323-ОЗ «О номерах и границах судебных участков мировых судей Омской области». Омский вестник. 2001. 20 декабря. № 63.
13. Закон Республики Тыва от 24.12.2010 № 268 ВХ-1 «О статусе муниципальных образований Республики Тыва». Тувинская правда. 2010. 31 декабря. № 178.
14. Закон Самарской области от 22.02.2001 № 15-ГД «Об утверждении комплексной целевой программы медико-социальной и профессиональной реабилитации инвалидов Самарской области и обеспечения им доступной среды жизнедеятельности на 2001-2005 годы». Волжская коммуна. 2001. 27 февраля. № 31.
15. Закон Смоленской области от 12.11.2003 № 75-з «О гербе и флаге Смоленской области». Смоленская газета. 2003. 20 ноября. № 46.
16. Закон Тюменской области от 07.03.2003 № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области». Вестник Тюменской областной Думы. 2003. № 4.
17. Закон Тюменской обл. от 03.06.2003 № 139 «Избирательный кодекс (Закон) Тюменской области». Вестник Тюменской областной Думы. 2013. № 6.
18. Закон Хабаровского края от 28.07.2004 № 208 «О наделении поселковых, сельских

муниципальных образований статусом городского, сельского поселения и об установлении их границ». Приамурские ведомости. 2004. 20 августа. № 156-157.

19. Закон Ярославской области от 03.12.2007 № 105-з «Об описании границ муниципальных образований Ярославской области». Губернские вести. 2007. 10 декабря. № 99.

20. Земельный кодекс РФ (от 25.10.2001 № 136-ФЗ). Российская газета. 2001. 30 октября. № 211-212.

21. Кодекс административного судопроизводства РФ (от 08.03.2015 № 21-ФЗ). Российская газета. 2015. 11 марта. № 49.

22. Кодекс РФ об административных правонарушениях (от 30.12.2001 № 195-ФЗ). Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.

23. Конституция РФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002>.

24. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.

25. *Кузнецов П. С.* О принципах изучения грамматики. М., 2003.

26. Налоговый кодекс РФ. Часть I (от 31.07.1998 № 146-ФЗ). Российская газета. 1998. 6 августа. № 148-149.

27. *Панов М. В.* О частях речи в русском языке (1960). Труды по общему языкознанию и русскому языку. М., 2004. Т. 2. С. 151–164.

28. Русская грамматика. М., 1980.

29. *Сай С. С.* Причастие. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Причастие>.

30. Семейный кодекс РФ (от 29.12.1995 № 223-ФЗ). Российская газета. 1996. 27 января. № 17.

31. Трудовой кодекс РФ (от 30.12.2001 № 197-ФЗ). Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.

32. Уголовный кодекс РФ (от 13.06.1996 № 63-ФЗ). Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.

33. Устав (Основной Закон) Орловской области (от 26.02.1996 № 7-ОЗ). Собрание нормативно-правовых актов Орловской области. 2008. Январь-апрель. № 42.

34. Федеральный закон от 03.11.2015 № 300-ФЗ «Об утверждении схемы одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Российская газета. 2015. 6 ноября. № 251.

35. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Российская газета. 2013. 12 апреля. № 80.

36. Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров». Российская газета. 2003. 17 декабря. № 253.

37. Федеральный закон от 20.06.1996 № 79-ФЗ «О сроках внесения и структуре проектов федеральных законов «Об исполнении республиканского бюджета Российской Федерации за 1993 год, федеральных бюджетов за 1994 и 1995 годы». Российская газета. 1996. 25 июня. № 118.

38. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Российская газета. 2014. 26 февраля. № 45.

39. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». Российская газета. 1996. 25 апреля. № 79.

40. Федеральный закон от 22.12.2008 № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию». Российская газета. 2008. 26 декабря. № 265.

41. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Российская газета. 2010. 14-20 января. № 1-2.

42. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Российская газета. 2009. 3 июля. № 121.

43. Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Российская газета. 2017. 4 августа. № 172.

44. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Российская газета. 2018. 9 января. № 1.

45. Федеральный закон от 31.12.2017 № 506-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О содействии развитию жилищного строительства” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Российская газета. 2018. 10 января. № 2.

46. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Российская газета. 1994. 23 июля. № 138-139.

47. Федеральный закон от 31.12.2017 № 495-ФЗ «О внесении изменения в статью 25 Федерального закона “Об опеке и попечительстве”». Российская газета. 2018. 10 января. № 2.

48. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Российская газета. 1995. 22 марта. № 57.

49. Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях». Российская газета. 2003. 18 ноября. № 234.

50. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». Российская газета. 2004. 30 июня. № 137-д.

51. Чичинава Д. В. Части речи. Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Части_речи

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Theory and typology of parts of speech* [Teoriya i tipologiya chastej rechi]. Parts of speech: Theory and typology. Moscow, 1990.

2. Bel'diyan V. M., Batyushkina M. V. *Fundamentals of the theory of language and speech* [Osnovy teorii yazyka i rechi: kurs lekcij]. Omsk, 2016.

3. Bogdanov A. V. *Semantics and syntax of verbal adjectives* [Semantika i sintaksis otglagol'nyh ad"ektivov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. Moscow, 2011.

4. Bulanin L. *The structure of the Russian verb as part of speech and its grammatical categories* [Struktura russkogo glagola kak chasti rechi i ego grammaticheskie kategorii]. Controversial issues of Russian linguistics. Theory and practice. Leningrad, 1983. Pp. 94-115.

5. Vinogradov V. V. *Russian language. Grammatical doctrine of the word* [Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove]. Moscow-Leningrad, 1947.

6. Vinogradov V. V. *The main questions of the syntax of the sentence (On the material of the Russian language)* [Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya (Na materiale russkogo yazyka)]. Studies in Russian grammar. Selected Works. Moscow, 1975. Pp. 254-295.

7. *Civil Code of the Russian Federation. Part One (No. 51-FZ of November 30, 1994)* [Grazhdanskij kodeks RF. Chast' pervaya. (ot 30.11.1994 № 51)]. Russian newspaper. 1994. 8 dekabrya. № 238-239.

8. Evtyuhin V. B. *Basics of morphology* [Vvedenie v morfologiyu]. The morphology of the modern Russian language. St.Petersburg, 2008. Pp. 4–84

9. *The Housing Code of the Russian Federation (dated December 29, 2004 No. 188)*. [Zhilishchnyj kodeks RF (ot 29.12.2004 № 188-FZ)]. Russian newspaper. 2005. January 12th. № 1.

10. Zaliznyak A. A. *Russian grammar dictionary* [Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka]. Moscow, 1977.

11. *The Law of the Moscow Region No. 165/2001-OZ of October 31, 2001 «On the Regional Target Program “Assistance to the Organizations of the Moscow Region in the Professional*

Development of Personnel for 2002-2003”» [Zakon Moskovskoj oblasti ot 31.10.2001 № 165/2001-OZ «Ob Oblastnoj celevoj programme “Sodejstvie organizacijam Moskovskoj oblasti v professional'nom razvitii personala na 2002-2003 gody”»]. Daily News. Moscow region. 2001. November 15th. № 162.

12. *The Law of the Omsk Region of December 18, 2001 No. 323-OZ «On the Numbers and Borders of Judicial Sites of the Magistrates of the Omsk Region» [Zakon Omskoj oblasti ot 18.12.2001 № 323-OZ «O nomerah i granicah sudebnyh uchastkov mirovyh sudej Omskoj oblasti»]. Omsk Messenger. 2001. December 20th. № 63.*

13. *Law of the Republic of Tyva of December 24, 2010 No. 268 BX-1 «On the status of municipal formations of the Republic of Tyva» [Zakon Respubliki Tyva ot 24.12.2010 № 268 VH-1 «O statute municipal'nyh obrazovanij Respubliki Tyva»]. Tuvan truth. 2010. December 31st. № 178.*

14. *Law of the Samara region dated February 22, 2001 No. 15-GD «On approval of a comprehensive targeted program of medical, social and vocational rehabilitation of disabled people of the Samara region and providing them with an accessible living environment for 2001-2005» [Zakon Samarskoj oblasti ot 22.02.2001 № 15-GD «Ob utverzhdenii kompleksnoj celevoj programmy mediko-social'noj i professional'noj reabilitacii invalidov Samarskoj oblasti i obespecheniya im dostupnoj sredy zhiznedeyatel'nosti na 2001-2005 gody»]. Volga commune. 2001. February 27th. № 31.*

15. *The law of the Smolensk region of 12.11.2003 No 75-z «On the emblem and flag of the Smolensk region» [Zakon Smolenskoj oblasti ot 12.11.2003 № 75-z «O gerbe i flage Smolenskoj oblasti»]. Smolensk newspaper. 2003. November 20th. № 46.*

16. *Law of the Tyumen region of 07.03.2003 No. 121 «On the procedure for the preparation, adoption and operation of legal acts of the Tyumen region» [Zakon Tyumenskoj oblasti ot 07.03.2003 № 121 «O poryadke podgotovki, prinyatiya i dejstviya pravovyh aktov Tyumenskoj oblasti»]. Bulletin of the Tyumen Regional Duma. 2003. № 4.*

17. *Law of the Tyumen region. of 03.06.2003 No. 139 «Electoral Code (Law) of the Tyumen Region» [Zakon Tyumenskoj obl. ot 03.06.2003 № 139 «Izbiratel'nyj kodeks (Zakon) Tyumenskoj oblasti»]. Bulletin of the Tyumen Regional Duma. 2013. № 6.*

18. *The Law of the Khabarovsk Territory of July 28, 2004 No. 208 «On the Allocation of Settlement, Rural Municipalities with the Status of an Urban, Rural Settlement and on the Establishment of Their Borders» [Zakon Habarovskogo kraja ot 28.07.2004 № 208 «O nadelenii poselkovykh, sel'skih municipal'nyh obrazovanij statusom gorodskogo, sel'skogo poseleniya i ob ustanovlenii ih granic»]. Amur sheets. 2004. August 20. № 156-157.*

19. *Law of the Yaroslavl region of 03.12.2007 No. 105-z «On the description of the boundaries of municipalities of the Yaroslavl region» [Zakon Yaroslavskoj oblasti ot 03.12.2007*

№ 105-z «Ob opisanih granic municipal'nyh obrazovaniy Yaroslavskoj oblasti». Provincial news. 2007. December 10th. № 99.

20. *Land Code of the Russian Federation (dated 10.25.2001 No. 136)* [Zemel'nyj kodeks RF (ot 25.10.2001 № 136)]. Russian newspaper. 2001. October 30th. № 211-212.

21. *Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (dated 08.03.2015 No. 21)* [Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva RF (ot 08.03.2015 № 21)]. Russian newspaper. 2015. March 11. № 49.

22. *The Russian Federation Code of Administrative Offenses (dated December 30, 2001 No. 195)* [Kodeks RF ob administrativnyh pravonarusheniyah (ot 30.12.2001 № 195)]. Russian newspaper. 2001. December 31st. № 256.

23. *The Constitution of the Russian Federation* [Konstituciya RF]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002>.

24. Kubryakova E. S. *Parts of speech in onomasiological lighting* [Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii]. Moscow, 1978.

25. Kuznecov P. S. *On the principles of studying grammar* [O principah izucheniya grammatiki]. Moscow, 2003.

26. *Tax Code of the Russian Federation. Part I (dated 07.31.1998 No. 146)* [Nalogovyj kodeks RF. Chast' I. (ot 31.07.1998 № 146-FZ)]. Russian newspaper. 1998. August 6. № 148-149.

27. Panov M. V. *About parts of speech in Russian* [O chastyah rechi v russkom yazyke (1960)]. Works on general linguistics and Russian language. Vol. 2. Moscow, 2004. Pp. 151–164.

28. Russian grammar [Russkaya grammatika]. Moscow, 1980.

29. Saj S. S. *Participle* [Prichastie]. Russian corpus grammar. URL: <http://rusgram.ru/Prichastie>.

30. *The family code of the Russian Federation (dated 29.12.1995 No. 223)* [Semejnyj kodeks RF (ot 29.12.1995 № 223)]. Russian newspaper. 1996. January 27th. № 17.

31. *Labor Code of the Russian Federation (No. 197 of December 30, 2001)* [Trudovoj kodeks RF (ot 30.12.2001 № 197)]. Russian newspaper. 2001. December 31st. № 256.

32. *Criminal Code of the Russian Federation (dated 13.06.1996 No. 63)* [Ugolovnyj kodeks RF (ot 13.06.1996 № 63)]. Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. June 17th. № 25. St. 2954.

33. *The Charter (Basic Law) of the Oryol Region (No. 7 of February 26, 1996)* [Ustav (Osnovnoj Zakon) Orlovskoj oblasti (ot 26.02.1996 № 7)]. Collection of legal acts of the Oryol region. 2008. January-April. № 42.

34. *Federal Law of 03.11.2015 No. 300 «On Approval of the Plan for Single-Member Constituencies for the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian*

Federation» [Federal'nyj zakon ot 03.11.2015 № 300 «Ob utverzhenii skhemy odnomandatnyh izbiratel'nyh okrugov dlya provedeniya vyborov deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2015. November 6th. № 251.

35. *Federal Law of 05.04.2013 No. 44 «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs»* [Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44 «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd»]. Russian newspaper. 2013. April 12. № 80.

36. *Federal Law No. 165 of December 8, 2003 «On Special Protective, Anti-Dumping and Compensatory Measures for Importing Goods»*. [Federal'nyj zakon ot 08.12.2003 № 165 «O special'nyh zashchitnyh, antidempingovyh i kompensacionnyh merah pri importe tovarov»]. Russian newspaper. 2003. December 17th. № 253.

37. *Federal Law of June 20, 1996 No. 79 «On the Deadlines for the Submission and Structure of the Draft Federal Laws “On the Execution of the Republican Budget of the Russian Federation for 1993, the Federal Budgets for 1994 and 1995”»*. [Federal'nyj zakon ot 20.06.1996 № 79 «O srokah vneseniya i strukture proektov federal'nyh zakonov “Ob ispolnenii respublikanskogo byudzheta Rossijskoj Federacii za 1993 god, federal'nyh byudzhetov za 1994 i 1995 gody”»]. Russian newspaper. 1996. June 25th. № 118.

38. *Federal Law of February 22, 2014 No. 20 «On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot 22.02.2014 № 20 «O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2014. February 26th. № 45.

39. *Federal Law of April 22, 1996 No. 39 «On the Securities Market»* [Federal'nyj zakon ot 22.04.1996 № 39 «O rynke cennyh bumag»]. Russian newspaper. 1996. April 25. № 79.

40. *Federal Law of 22.12.2008 No. 268 «Technical Regulations for Tobacco Products»* [Federal'nyj zakon ot 22.12.2008 № 268 «Tekhnicheskij reglament na tabachnuyu produkciju»]. Russian newspaper. 2008. December 26th. № 265.

41. *Federal Law of 28.12.2010 No. 403 «On the Investigation Committee of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 № 403 «O Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2010. January 14-20. № 1-2.

42. *Federal Law of 29.06.2009 No. 141 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot 29.06.2009 № 141 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2009. July 3. № 121.

43. *Federal Law of 29.07.2017 No. 216 «On Innovative Scientific and Technological Centers and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot

29.07.2017 № 216 «Ob innovacionnyh nauchno-tehnologicheskikh centrah i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF»]. Russian newspaper. 2017. August 4th. № 172.

44. *Federal Law of 31.12.2017 No. 486 «On the syndicated loan (loan) and the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot 31.12.2017 № 486 «O sindicirovannom kredite (zajme) i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2018. January 9th. № 1.

45. *Federal Law of December 31, 2017 No. 506 «On Amendments to the Federal Law “On Assistance to the Development of Housing Construction” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»* [Federal'nyj zakon ot 31.12.2017 № 506 «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O sodejstvii razvitiyu zhilishchnogo stroitel'stva” i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2018. January 10. № 2.

46. *Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1 «On the Constitutional Court of the Russian Federation»* [Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.1994 № 1 «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 1994. July 23. № 138-139.

47. *Federal Law of 31.12.2017 No. 495 «On Amendments to Article 25 of the Federal Law “On Guardianship and Custody”»* [Federal'nyj zakon ot 31.12.2017 № 495 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 25 Federal'nogo zakona “Ob opeke i popechitel'stve”»]. Russian newspaper. 2018. January 10th. № 2.

48. *Federal Law of March 14, 1995 No. 33 «On Specially Protected Natural Territories»* [Federal'nyj zakon ot 14.03.1995 № 33 «Ob osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah»]. Russian newspaper. 1995. March 22. № 57.

49. *Federal Law of 11.11.2003 No. 138 «On Lotteries»*. [Federal'nyj zakon ot 11.11.2003 № 138 «O lotereyah»]. Russian newspaper. 2003. November 18th. № 234.

50. *Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5 «On the Referendum of the Russian Federation»* [Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.06.2004 № 5 «O referendume Rossijskoj Federacii»]. Russian newspaper. 2004. June 30th. № 137-d.

51. Chichinava D. V. *Parts of speech* [Chasti rechi]. Russian corpus grammar. URL: http://rusgram.ru/Chasti_rechi

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

УДК 340, ББК 67.0, ГРНТИ 10.01.33., КОД ВАК 10.02.19

О. Е. Авилова, Ю. В. Печатнова

Барнаул, Россия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются проблемы толкования международных документов, переведенных на русский язык. Актуальность работы подтверждается тенденциями к глобализации и, как следствие, к интернационализации права, которые способствуют активному нормотворчеству и применению норм международного права. Авторами предлагается краткая характеристика проблем толкования русскоязычных нормативных текстов и на этом фоне обозначается вдвойне серьезная проблема, связанная с толкованием англоязычных текстов, переведенных на русский язык. В качестве объекта для анализа взята Европейская конвенция по правам человека 1950 года в англоязычной и русскоязычной версиях. Выбор данного документа для изучения обосновывается приведенными в статье статистическими данными, подтверждающими многократность использования Конвенции в российской судебной практике, а также ее значительное влияние на развитие законодательства Российской Федерации. Исследование проводится путем сопоставления текстов указанного международного соглашения на английском и русском языках. Результатом проведенного анализа стало обнаружение некоторых неточностей при переводе принципиально важных положений Конвенции, которые могут повлечь неверное применение норм международного права. Авторы приходят к выводу о том, что ошибки перевода — явление немногочисленное, но, тем не менее, служащее показателем необходимости совершенствования существующей техники перевода международных документов на русский язык. На сегодняшний день большинство рекомендаций по технике перевода документов носят сугубо лингвистический характер. Видится необходимым оснащение существующих рекомендаций по переводу международных документов правилами юридического характера. Следовательно, важна совместная работа лингвистов и юристов

по разработке правил перевода международных документов.

Ключевые слова: перевод, международный документ, Европейская конвенция по правам человека.

Сведения об авторе: Оксана Евгеньевна Авилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68. E-mail: avilova-oksana@rambler.ru

Сведения об авторе: Юлия Вадимовна Печатнова, студентка 4 курса юридического института Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т. Социалистический, 68. E-mail: eclipsej@mail.ru

*O. E. Avilova, Yu. V. Pechatnova
Barnaul, Russia*

ON SOME ASPECTS OF TRANSLATION OF THE INTERNATIONAL DOCUMENTS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is dedicated to the problems of the reading the international documents translated into Russian. The urgency of the work is confirmed by the tendencies of globalization and, as a consequence, the internationalization of law, which promotes active rulemaking and application the norms of international law. The authors outline the problems of interpreting Russian-language normative texts and, on this background, appears a twice more serious problem, associated with the interpretation of English-language texts translated into Russian. The European Convention of Human Rights of 1950 in the English-language and Russian-language versions was chosen as the object for analysis. The choice of this document for study is justified by the statistical data, which confirms frequent use of the Convention in Russian judicial practice, as well as its significant influence on the development of the Russian Federation legislation. The study is carried out by comparing two texts of this international convention in English and Russian. The result of the analysis is the revealing of some inaccuracies in the translation of the fundamentally important provisions in the Convention, which may lead to incorrect implementation of the norms of international law. The authors come to the conclusion that mistakes in translation are rather scarce, but nevertheless they indicate the need to improve the existing technique of translating international documents into Russian. Nowadays most of the recommendations on the technology of translating the documents are purely linguistic. It seems necessary to enhance the existing recommendations on the translation of international documents by the rules of legal nature. Therefore, it is important that linguists and lawyers develop rules for the translation of international documents together.

Key words: translation, international document, European Convention of Human Rights.

About the author: Oksana Evgenievna Avilova, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Socialisticheskiiy, 68. E-mail: avilova-oksana@rambler.ru

About the author: Yulia Vadimovna Pechatnova, a fourth-year student of Law institute, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Socialisticheskiiy, 68. E-mail: eclipsej@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1004

Превалирование международного права над внутригосударственным можно назвать современным демократическим трендом, отраженным в Конституциях государств в качестве одной из основ правового государства. Интернационализации права, отчетливо наблюдающейся на современном этапе развития юриспруденции, сопутствует повышение значения международных нормативно-правовых актов.

Применение норм международного права осложняется особенностями перевода международных нормативно-правовых актов, в процессе которого неизбежна подмена юридических конструкций международного права на юридические понятия национального права. Основная причина — отсутствие эквивалентного понятия в национальном праве. В случае, когда перевод юридического понятия максимально приближен к оригиналу, толкование юридического термина может быть неодинаковым в различных государствах ввиду принадлежности государств к разным правовым семьям, влияния государственной политики.

Проиллюстрировать многоаспектность разногласий, связанных с интерпретацией правовых понятий, позволяет наглядный пример. Зачастую значение юридических терминов не совпадает с их буквальным, словарным определением даже в рамках одного языка. Так, например, в толковом словаре С. И. Ожегова понятие «особая жестокость» имеет значение «*крайняя степень суровости и беспощадности*» [Ожегов 1997], в то время как в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» понятие «особая жестокость» имеет более узкое

значение. Так, расчленение или уничтожение трупа, а также глумление над трупом не охватываются значением данного термина с точки зрения юридического толкования, но вышеперечисленные деяния вполне соответствуют определению, предлагаемому толковым словарем и, действительно, выражают крайнюю степень беспощадности и суровости. Уже на этой стадии возникает проблема соотношения русского и юридического русского языка; в результате становится затруднительно понять, где заканчивается простое убийство и начинается убийство с особой жестокостью.

С выходом за рамки внутригосударственного права степень сложности толкования термина возрастает. В Кодексе США используется понятие «abuse» («жестокость») и дается его определение с точки зрения американского законодательства: «*the term means intentionally or knowingly causing death or serious bodily injury*» («преднамеренное или сознательное причинение смерти или серьезное телесное повреждение»), пп. 3 п. «а» параграфа 1111 Кодекса США [U.S. Code, URL]. В Оксфордском толковом словаре понятие «abuse» характеризуется как «*treat with cruelty or violence, especially regularly or repeatedly*» («бессердечное или с физическим насилием обращение, особенно регулярное или неоднократное») [English Oxford living Dictionaries, URL].

Следовательно, одна и та же конструкция в текстах разных документов наполняется неодинаковым содержанием. Небольшое исследование уже выявило четыре интерпретации понятия «жестокость»: с точки зрения русского языка, юридического русского языка, английского языка и американского юридического языка. Таким образом, чтобы перенести юридический термин в сферу международно-правового регулирования, необходим узкоспециализированный комплексный юридическо-лингвистический перевод. Однако, несмотря на длительное международное сотрудничество России с зарубежными государствами, количество исследований по технике перевода международных официальных документов весьма немногочисленно. Между тем, специфика перевода международных актов постепенно занимает все более значительное место в политико-правовой конъюнктуре.

Так, З. З. Чанышева [Чанышева 2017: 60] предлагает рассматривать перевод текстов политического содержания как акт идеологической диверсии, используемой в целях контроля над информационным пространством целевой аудитории. Автор иллюстрирует деструктивную роль перевода исходного текста, подвергнутого переводчиком субъективной интерпретации, анализирует приемы смысловых искажений на материале сопоставительного анализа английских оригинальных статей и их версий на русском языке. Логично предположить, что перевод текстов правового содержания может вызывать не менее неоднозначные толкования, однако еще более ощутимые последствия.

В качестве объекта для терминологического анализа возьмем текст Европейской конвенции по правам человека 1950 года на русском и английском языках. Сторонами данного соглашения выступают страны-участницы Совета Европы, в число которых входит Российская Федерация. Членство в данной международной организации подразумевает распространение на стран-участниц юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Выбор в пользу данного международного соглашения сделан ввиду существенной роли, которую играет Конвенция для законодательства многих государств. Статистические исследования показывают, что Российская Федерация стабильно лидирует среди стран Совета Европы по числу нарушений прав человека, подтвержденных Европейским судом. Более того, прецедентная практика ЕСПЧ оказывает реальное влияние на развитие российского права. Это обусловлено тем, что содержащиеся в актах ЕСПЧ правовоположения учитываются при совершенствовании национального законодательства, а также в правоприменительной деятельности органов государств – участников Конвенции.

При вынесении постановлений Европейский суд ссылается исключительно на положения Европейской конвенции, прибегая к толкованию указанного соглашения. Однако сравнительный анализ русскоязычной и англоязычной версий Конвенции демонстрирует расхождение в терминологии, которое еще более усиливается при последующем толковании соглашения.

Во-первых, статья 5 Европейской конвенции по правам человека в русскоязычном варианте именуется «*Право на свободу и личную неприкосновенность*», в англоязычном — «*Right to liberty and security*» («*право на свободу и безопасность*»). Таким образом, переводчик ставит знак равенства между терминами «личная неприкосновенность» и «security» («безопасность»). Между тем это два совершенно различных юридических понятия, которые не должны смешиваться.

Оксфордский словарь английского языка определяет «security» («безопасность, охрана, защита») как, во-первых, «*The state of being free from danger or threat*» («*состояние свободы от опасности или угрозы*»), во-вторых, «*The safety of a state or organization against criminal activity*» («*безопасность государства или организации от преступности*») [English Oxford living Dictionaries, URL].

Таким образом, английская версия акцентирует внимание на государстве, которому обеспечивается охрана от внешних и внутренних угроз, вызванных преступностью. В русскоязычной версии внимание сосредоточено на личности, которой гарантируется неприкосновенность, а значит недопустимость вмешательства, в том числе со стороны органов государственной безопасности.

Во-вторых, в статье 7 Конвенции выражение *the general principles of law* в русском эквиваленте интерпретируется как *общие принципы права*. В данном случае переводчик приравнивает понятия «law» («закон») и «право». Дословный перевод может спровоцировать ложное восприятие нормы, что недопустимо, так как «общие принципы права» – это более широкое понятие для толкования, чем общие принципы законодательства государства. Соотношение данных понятий в разных государствах неодинаково и зависит от преобладающего типа правопонимания в той или иной национальной правовой системе. Однако поставленный знак равенства между понятиями объясняется не легальным закреплением нормативистского правопонимания на международном уровне, а скорее лингвистической причиной. Понятие «law» («закон») имеет более широкое значение в английском языке, чем понятие «закон» – в русском. Термин

«law» может обозначать как право, так и закон. Слова, близкие по значению к слову «law», такие как «rule» («правило»), «right» («право») хотя и кажутся более подходящими, но не отражают того смысла, который заложен в категории «право» в российском законодательстве. Так, слово «right» («право»), как ни удивительно, несет иную смысловую нагрузку и используется для обозначения прав, привилегий и законных интересов, например, «right to life» («право на жизнь»). Итак, приведенный пример демонстрирует не столько неточность перевода, сколько невозможность осуществить точный перевод в виду отсутствия в английском языке понятия, эквивалентного понятию «право» в русском языке.

В-третьих, остановимся на использовании понятия «собственность» в Конвенции, точнее в тексте Протокола № 1 к ней.

В русскоязычной версии статья 1 Протокола №1 именуется как «*Защита собственности*» и начинается со слов «*Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности*» [Конвенция ... URL]. В названии и в тексте статьи используется одно и то же слово – собственность. В англоязычной версии содержится заголовок «*Protection of property*». «Property» означает «собственность» или «имущество». Исходя из логики правовой нормы, в первом предложении должен быть использован идентичный термин. Однако статья начинается так: «*Every natural or legal person is entitled to the peaceful enjoyment of his possessions*» [European Convention ... URL]. Появляется новый термин, подменяющий понятие «property», – «possessions». Слово «possession» обозначает скорее «владение», которое является лишь элементом в праве собственности с точки зрения российской цивилистики.

Во втором предложении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вновь используется термин «possessions»: «*No one shall be deprived of his possessions*» [European Convention ...: URL]. Однако перевод данного предложения на русский вносит новое значение указанного слова и звучит так: «*Никто не может быть лишен своего имущества*» [Конвенция ... URL]. Итак, термин «possessions», близкий по значению с понятием «владение», в переводе сначала

преобразуется в термин «собственность», затем – в категорию «имущество». Между тем, в названии статьи используется уже другое английское «property», и все то же русское «собственность».

При небольшой погрешности перевода неточность, размытость, неоднозначность юридического наполнения категории «собственность» имеют весьма серьезные последствия, препятствуя пониманию и применению Протокола № 1 к Конвенции. Данная проблема особенно заметна при прочтении перевода постановлений ЕСПЧ по конкретным делам.

Например, перевод Постановления ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России», содержит следующий фрагмент: *«Суд вновь напоминает, что «судебный иск» может пониматься как «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано»* [Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г.: URL].

В переводах иных постановлений по жалобам против России встречается указание на то, что «требование» тоже может пониматься как «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Например, в постановлении ЕСПЧ от 7 мая 2003 г. по делу «Тимофеев против России».

Как отмечает М. А. Рожкова [Рожкова 2006: 58], возможно, было бы допустимо смириться с употреблением в Конвенции термина «собственность» в значении «имущество» и с определенной долей условности использовать его. Однако некоторые авторы идут дальше и заявляют уже об автономном значении права собственности, которое придано ему в практике ЕСПЧ и которое не совпадает с принятым в национальных правовых системах. Речь идет об отождествлении объекта собственности (имущества) с правом собственности, что недопустимо с точки зрения современного гражданского права.

Более того, в результате подобного смешения создается впечатление, что содержанием статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции сужается круг имущества, права на которое по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции подлежат защите. Однако общая концепция международного соглашения свидетельствует

об обратном. ЕСПЧ, являясь единственным органом, уполномоченным официально толковать и разъяснять весьма краткие формулировки положений Конвенции и Протоколов к ней, реализуя эту компетенцию, тем самым расширяет границы действия Конвенции и наполняет ее положения новым смыслом. ЕСПЧ весьма широко толкует понятие «имущество» (или, как указано в официальном переводе на русский язык Протокола №1 к Конвенции, понятие «собственность»), обобщая все передовые тенденции, намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран. Однако формально и юридически неточный перевод положений международного соглашения порождает негативные последствия в правоприменении, искажает значение правоположений и не позволяет уяснить их истинный смысл.

Подводя итоги, отметим следующее.

Во-первых, тенденции к глобализации и, как следствие, к интернационализации права, способствуют активному нормотворчеству и применению норм международного права. В этой связи следует уделять повышенное внимание переводу международных актов на национальные языки во избежание искажения исходного текста.

Во-вторых, положительным результатом исследования оригинала и перевода Европейской конвенции по правам человека можно считать установление того, что лингвистические изъяны немногочисленны. Негативные выводы анализа текста международного соглашения состоят в том, что встречающиеся периодические неточности перевода не отражают действительного содержания нормы права, препятствуют ее правильному пониманию и применению, затрудняя реализацию гарантированных Конвенцией прав.

В этой связи необходимо совершенствование техники перевода международных документов на русский язык. При переводе юридического термина с одного языка на другой необходимо производить не только лингвистический перевод, но и юридический, то есть наполнять словестную оболочку единообразным юридическим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. English Oxford living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>
2. European Convention on Human. URL: https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c=#n1359128122487_pointer
3. Statistics by State. URL: https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956587550_pointer
4. U.S. Code. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. URL: <http://www.consultant.ru>
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/#ixzz5QivF3icN>
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. Дело Бурдов против России. URL: <http://www.consultant.ru>
9. Постановление ЕСПЧ от 3 ноября 2005 г. Дело Кукало против России. URL: <http://www.consultant.ru>
10. Постановления ЕСПЧ от 7 мая 2003 г. Дело Тимофеев против России. URL: <http://www.consultant.ru>
11. Рожкова М. А. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции О защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека. Журнал российского права. 2006. № 12. С. 58-65.
12. Старженецкий В. В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2004. С. 46.
13. Чанышева З. З. Перевод как инструмент идеологической диверсии в межкультурной политической коммуникации. Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 60-65.

REFERENCES

1. English Oxford living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>
2. European Convention on Human. URL: https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c=#n1359128122487_pointer
3. Statistics by State. URL: https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956587550_pointer
4. U.S. Code. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>
5. *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November*

4, 1950. [Konvencija o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 4.11.1950 g.]. URL: [http :
//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

6. *On judicial practice in cases of murder* (Article 105 of the Criminal Code): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999 No 1. [O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st.105 UK RF) : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/#ixzz5QivF3icN>

7. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language* [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka]. Moscow, 1997

8. *Judgment of the European Court of Human Rights on 15 January 2009 The case of Burdov v. Russia* [Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 15 yanvarya 2009 g. Delo Burdov protiv Rossii]. URL: [http: //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

9. *The judgment of the European Court of Human Rights on 3 November 2005 The Case of Kukalo v. Russia* [Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 3 noyabrya 2005 g. Delo Kukalo protiv Rossii]. URL: [http: //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

10. *The judgment of the European Court of Human Rights on 7 May 2003. The case Timofeev v. Russia* [Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 7 maya 2003 g. Delo Timofeev protiv Rossii]. URL: [http: //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

11. Rozhkova M. A. *On the concept of «property» in the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of the European Court of Human Rights*. [K voprosu o ponyatii «sobstvennost'» v Konvencii O zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod i praktike Evropejskogo Suda po pravam cheloveka]. Journal of Russian Law, 2006. No 12. Pp. 58-65.

12. Starzhenetsky V. V. *Russia and the Council of Europe: ownership* [Rossiya i Sovet Evropy: pravo sobstvennosti]. Moscow, 2004. P. 46.

13. Chanysheva Z. Z. *Translation as a tool of ideological sabotage in intercultural political communication* [Perevod kak instrument ideologicheskoy diversii v mezhkul'turnoj politicheskoy kommunikacii]. Political linguistics. 2017. No 5 (65). Pp. 60-65.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

УДК 349.233, ББК Х 67.405.1, ГСНТИ 10.63.57, КОД ВАК 12.00.05

Ю. А. Михайленко

Барнаул, Россия

О ВКЛЮЧЕНИИ ШТРАФНЫХ САНКЦИЙ В ДОГОВОРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ РАБОТНИКА ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ РАБОТОДАТЕЛЯ

В статье анализируется правовая природа и содержание соглашений об обучении работника за счет средств работодателя. Делается вывод, что отношения между работником и работодателем, основанные на указанных соглашениях, не выходят за рамки предметно-трудовых. Включение в соглашение об обучении условий гражданско-правового характера (в т.ч. обеспечение исполнения обязательства, вытекающего из трудовых отношений, гражданско-правовыми средствами) противоречит трудовому законодательству. Кроме того, подчеркивается, что в юридической литературе и судебной практике нет единства мнений по поводу состава затрат работодателя, возмещаемых в соответствии со ст. 249 ТК РФ. Предлагается на уровне кодекса уточнить, какие расходы относятся к затратам, связанным с обучением работника (либо, наоборот, указать, какие затраты работодателя не могут взыскиваться).

Ключевые слова: ученический договор, соглашение об обучении, недействительность условий договоров, материальная ответственность работника, возмещение затрат на обучение работника.

Сведения об авторе: Юлия Анатольевна Михайленко, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, к. 202а. E-mail: mihailenko@ya.ru

Yu. A. Mikhailenko

Barnaul, Russia

THE INCLUSION OF PENALTIES IN CONTRACTS FOR WORKER TRAINING AT THE EXPENSE OF THE EMPLOYER

This article analyzes the legal nature and content of the training agreements with a worker specifying training at the employer's expense. It is concluded that the relationship between the employee and the employer, based on the agreements above, do not go beyond the scope of the Labour law. The inclusion of terms pertaining to conditions of the Civil law domain in a training agreement (including the enforcement of obligations arising from labour relations, civil remedies) contradicts the Labour legislation. In addition, it is stated that legal literature and case law lack unanimous opinion the employer's cost structure refundable in accordance with art. 249 of the LC RF. It is proposed to clarify in the Labour Code which costs relate to costs associated with the training of the employee (or, on the contrary, what costs cannot be recovered by the employer).

Key words: apprenticeship; training agreement; invalidity of contract terms; responsibility of the employee; refunding employers' expenditure.

About the author: Julia Anatolievna Mikhailenko, Candidat of Law, Assistant Professor of the Chair of Labor, Environmental Law and Civil Procedure of Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Socialisticheskiy, 68, office 202a. E-mail: mihailenko@ya.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1005

Трудовой кодекс РФ (далее – ТК) различает: а) подготовку работников, к которой относит профессиональное образование и профессиональное обучение, и б) дополнительное профессиональное образование. Их формы, а также перечень необходимых профессий и специальностей определяются работодателем в локальном акте, принятом с учетом мнения представительного органа работников (ст. 196 ТК).

Работодатель, имеющий лицензию на осуществление образовательной деятельности¹, вправе заключать с лицами, ищущими работу, а также со своими работниками ученические договоры на получение образования, причем с работником они могут заключаться как с отрывом, так и без отрыва от работы.

¹ Такое требование вытекает из ст. 91 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ».

Ученический договор с работником данной организации выступает дополнением к трудовому. Подчеркнем, что ученические отношения являются отношениями, непосредственно связанными с трудовыми, следовательно, ученический договор имеет трудовую природу [Киселева 2018: 52].

Если же у работодателя нет лицензии на осуществление образовательной деятельности, он может организовывать для своих работников различные тренинги, семинары, консультации, однако какой-либо документ об образовании выдавать не вправе; ученическим договором подобные отношения не оформляются. Кроме того, работодатель может проводить обучение своих работников по договору с образовательной организацией. Юридическим основанием такого обучения выступает уже не ученический договор, а соглашение об обучении за счет средств работодателя в совокупности с договором об образовании. Последний (договор между работодателем и образовательной организацией в пользу работника) является предметом гражданско-правового регулирования и представляет собой договор возмездного оказания образовательных услуг (регулируется главой 39 ГК РФ). Вместе с тем отношения между работником и работодателем, основанные на указанных соглашениях, не выходят за рамки предметно-трудовых, следовательно, любые взаимные обязательства указанных сторон должны оцениваться в соответствии с нормами трудового права.

Таким образом, несмотря на то, что обучение производится на основании гражданско-правового договора, его последствия способны оказывать влияние на трудовое правоотношение. Если обучение проводилось за счет средств работодателя, то в трудовой договор может включаться обязательство работника отработать после обучения не менее установленного договором срока (ч. 4 ст. 57 ТК), а в случае его нарушения работодатель вправе привлечь работника к материальной ответственности. Кроме трудового договора, указанный срок может быть согласован в ученическом договоре (ст. 199 ТК) и в соглашении об обучении (ст. 249 ТК). Однако норма, устанавливающая основание материальной ответственности (ст. 249 ТК), строго говоря, не содержит ссылки

на ученический договор.

Отметим, что в юридической литературе нет единства мнений о соотношении ученического договора и соглашения об обучении, однако, во всяком случае, указанные понятия не рассматриваются как тождественные [Харитонов 2017: 84; Занданов 2009: 86; Глебов 2005: 14]. Что касается правоприменительной практики, анализ договоров, послуживших поводом предъявления требований о возмещении расходов на обучение работника, позволяет сделать вывод, что работодатели, а зачастую и суды, не видят особой разницы между ученическим договором и договором об обучении: ученическим договором зачастую оформляется направление работника на обучение в образовательную организацию, причем речь может идти как о профессиональной подготовке, так и о дополнительном профессиональном образовании.

Представляется, что целесообразно было бы в дальнейшем не разрабатывать на уровне правовой доктрины критерии разграничения договоров, опосредующих обучение работника, а пойти по пути формального их определения в трудовом законодательстве. С этой целью следует либо указать, что ученический договор является разновидностью соглашения об обучении (в случаях, когда обучение осуществляется непосредственно работодателем), либо признать указанные понятия синонимами (легализовав фактически сложившуюся правоприменительную практику).

Условие об обязанности отработать определенный период после окончания обучения не превращает трудовой договор в срочный, то есть окончание периода отработки не может служить поводом для его прекращения в связи с истечением срока. Указанное условие не ограничивает и свободы труда работника¹, так как тот не лишается возможности расторгнуть трудовой договор по своей инициативе. Однако в случае увольнения ранее согласованного срока работник обязан будет возместить работодателю потраченные на его обучение

¹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 1005-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Разгильдеева Александра Витальевича на нарушение его конституционных прав статьей 249 Трудового кодекса Российской Федерации».

расходы в части, пропорциональной неотработанному периоду (ст. 249 ТК).

Подчеркнем, что работодатель не вправе взыскать расходы на обучение в случае, когда он обязан был произвести обучение за свой счет (то есть обучение является условием выполнения работниками определенных видов деятельности, ч. 4 ст. 196 ТК)¹. Иногда суды расширительно толкуют указанное правило и отказывают в возмещении затрат на обучение только на том основании, что работник в результате такового не получил дополнительной профессии, квалификации, а по его окончании продолжил работать по своей прежней трудовой функции. При этом не принимается во внимание, была ли вообще нормативно установлена обязанность соответствующей категории работников проходить обучение. Так, Ангарский городской суд Иркутской области, указав, что предметом спорного договора является «не обучение истца новой профессии и специальности, а его подготовка по вопросам промышленной безопасности, что непосредственно связано с его трудовой деятельностью по занимаемой должности», пришел к выводу, что «обучения в смысле, придаваемом положениями ст.ст. 198, 199 ТК работник не проходил», следовательно, позиция ответчика, утверждающего, что он обязан был компенсировать расходы по правилам ст. 249 ТК, несостоятельна².

Для отдельных категорий граждан законом установлены дополнительные гарантии осуществления их права на образование. Так, законом «О ветеранах»³ установлено, что ветеранам боевых действий предоставляется в числе прочих мер социальной поддержки право на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование за счет средств работодателя. Это дало основание президиуму суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры сделать вывод, что условия ученического договора, заключенного с Б., обладающим соответствующим статусом, а равно требования ст. 207, 249 ТК не

¹ См., напр.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 27 сентября 2016 г. по делу № 33–3813/2016. URL: <https://vs--kar.sudrf.ru>.

² Решение Ангарского городского суда Иркутской области от 24 октября 2017 года по делу № 2-5692/2017. URL: <http://angarsky.irk.sudrf.ru>.

³ См.: подп. 17 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах».

подлежат применению¹.

Затраты работодателя на обучение возмещаются только в случаях увольнения работника без уважительных причин. Даже примерного их перечня законодательство не содержит. В то же время можно ориентироваться на перечень уважительных причин досрочного расторжения срочного трудового договора, выработанный судебной практикой при применении Кодекса законов о труде РСФСР (утв. ВС РСФСР 09.12.1971 г.; далее – КЗоТ). Напомним, что в КЗоТ использовался принципиально иной подход к расторжению трудового договора по инициативе работника, чем в действующем ТК: свободно расторгался лишь договор, заключенный на неопределенный срок (ст. 31 КЗоТ), тогда как срочный мог быть досрочно расторгнут по требованию работника «в случае его болезни или инвалидности, препятствующих выполнению работы, нарушения администрацией законодательства о труде, коллективного или трудового договора и по другим уважительным причинам» (ст. 32 КЗоТ).

Поэтому, во всяком случае, на указанные причины работник может ссылаться как на уважительные. В частности, как нарушение работодателем договора могут расцениваться ситуации, когда работнику по окончании обучения не предоставляется работа в соответствии с полученной квалификацией. К списку уважительных причин, вероятно, следует добавить и те, которые указаны в ст. 80 ТК и служат основанием для сокращения по просьбе работника срока предупреждения об увольнении по его инициативе.

Как уважительная причина расторжения трудового договора может расцениваться необходимость переезда работника в другую местность. Так, Е. прошла повышение квалификации, но, не отработав срока, установленного дополнительным соглашением к трудовому договору, обратилась к работодателю с заявлением об увольнении, в котором просила не удерживать с неё сумму, потраченную на обучение, в связи с переездом в другой город (с чем работодатель согласился). Однако вскоре работодателю стало известно, что

¹ См.: Постановление президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22 июня 2018 года по делу № 4Г-602/2018 [44Г-45/2018]. URL: <http://oblsud.hmao.sudrf.ru>.

фактически Е. не переехала, а устроилась на другую работу. Суд согласился с доводами работодателя, о том, что Е. ввела его в заблуждение относительно уважительности причины увольнения, и удовлетворил иск о взыскании расходов, связанных с обучением¹.

В правоприменительной практике не решен однозначно вопрос о составе затрат работодателя, которые могут возмещаться в случае прекращения трудового договора ранее согласованного срока. На указанное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в юридической литературе. В частности, И. В. Занданов указывает на трудности, связанные с определением как состава затрат, так и уважительности причин прекращения трудовых отношений, поэтому указанные вопросы он предлагает решать в конкретных договорах самим сторонам [Занданов 2007: 51]. М. М. Харитонов указывает, что «нельзя возместить расходы на средний заработок, если он сохранялся за работником, суточные и расходы по найму жилого помещения» [Харитонов 2017: 88]. Однако по мнению судей, поскольку в ст. 249 ТК названные расходы не конкретизируются, работодатель вправе требовать возмещения ему любых расходов (затрат), если они были связаны с обучением и документально подтверждены². Таким образом, суды зачастую взыскивают не только указанные затраты, но и штрафные санкции, установленные соглашением об обучении. Так, <...> «Городская поликлиника № 7» предоставило Г. в период обучения в интернатуре меру социальной поддержки – выплату в размере минимального размера оплаты труда. Одновременно договором была предусмотрена ответственность Г. (в случае увольнения без уважительной причины ранее обусловленного срока) – штраф в двукратном размере затрат работодателя на указанные меры социальной поддержки. Несмотря на то, что такая санкция ухудшает положение работника по сравнению с трудовым законодательством, суд не нашел оснований для отказа в иске в этой части. Посчитав, что указанные

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 30 мая 2018 г. по делу № 2-2342/2018 ~ М-1131/2018. URL: <http://oktiabrsky.nsk.sudrf.ru>.

² См.: Решение Спасского районного суда Приморского края от 24 октября 2017 г. по делу № 2-1294/2017. URL: <http://spassky.prm.sudrf.ru>.

условия договоров носят исключительно гражданско-правовой характер, он применил ст. 333 ГК РФ, уменьшив неустойку как явно несоразмерную последствиям нарушения обязательства, однако требование о взыскании указанной штрафной санкции частично удовлетворил¹. Представляется, указанное решение основано на неправильном определении правовой природы отношений сторон соглашения об обучении, вследствие чего были ошибочно применены нормы гражданского законодательства вместо трудового. В данном случае необходимо было учесть положения ст. 232 ТК о том, что соглашение сторон не может повышать пределы материальной ответственности работника по сравнению с тем, как они установлены законом (то есть превышать фактические затраты работодателя, исчисленные пропорционально неотработанному периоду – ст. 249 ТК).

Принципиально иную оценку условию ученического договора о неустойке дал другой районный суд. Установив, что ученическим договором предусмотрена неустойка за несвоевременное возмещение уволившимся работником затрат работодателя на обучение, суд в этой части отказал работодателю в иске. Аргументы, приведенные в мотивировочной части решения, были следующими: заключённый между сторонами договор является ученическим, регулируется трудовым законодательством; условия ученического договора, противоречащие ТК, коллективному договору, соглашениям, недействительны и не применяются (ст. 206 ТК); наконец, обеспечение исполнения обязательства, вытекающего из трудовых отношений, гражданско-правовыми средствами противоречит трудовому законодательству. Таким образом, соответствующий пункт ученического договора ухудшает положение работника по сравнению с нормами действующего трудового законодательства, в связи с чем, в силу статей 9, 206, 232 ТК не подлежит применению².

Представляется, что во избежание различного толкования норм трудового

¹ См.: Решение Мотовилихинского районного суда г. Перми от 8 февраля 2017 года по делу № 2-70/2017. URL: <http://motovil.perm.sudrf.ru>.

² См.: Решение Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 31 октября 2017 г. по делу № 2-1950/2017~М-1671/2017. URL: <http://ustinovskiy--udm.sudrf.ru>.

законодательства правоприменительными органами, следует в самом ТК предусмотреть, что именно включается в состав затрат, связанных с обучением (либо, наоборот, указать какие затраты не могут взыскиваться с работника), дополнив соответствующими положениями ст. 249 ТК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебов В. Г. Ученический договор: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005.
2. Занданов И. Как возмещать расходы (затраты), связанные с обучением работников (лиц, ищущих работу). Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2007. № 5. С. 45-51.
3. Занданов И. В. Ученический договор и договор о повышении квалификации: общее и особенное. Журнал российского права. 2009. № 12. С. 85-94.
4. Киселева Е. В. Правовая природа ученического договора. Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2018. № 3 (7). С. 52-56.
5. Харитонов М. Учеба за счет компании. Какой договор заключать – ученический или об обучении. Кадровое дело. 2017. № 4. С. 84-89.

REFERENCES

1. Glebov V. G. *Apprenticeship* [Utchenitcheskij dogovor: autoref. dis. ... cand. jurid. nauk]. Tomsk, 2005.
2. Zandanov I. *How to reimburse (costs) related to the training of workers (job seekers)* [Kak vozmeshchat' raskhody (zatraty) svyazannye s obucheniem rabotnikov (lic ishchushchih rabotu)]. Trained worker. Labor law for the personnel officer. 2007. No 5. Pp. 45-51.
3. Zandanov I. V. *Apprenticeship and advanced professional contract: general and special* [Uchenicheskiy dogovor i dogovor o povyshenii kvalifikacii: obshchee i osobennoe]. Journal of Russian law. 2009. No 12. Pp. 85-94.
4. Kiseleva E. V. *Legal nature of apprenticeship* [Pravovaja priroda uchenicheskogo dogovora]. Law idea in education, science and practice. 2018. No 3 (7). Pp. 52-56.
5. Kharitonov M. *Studies at the expense of the company. Any agreement to conclude – apprenticeship or about training* [Ucheba za schet kompanii. Kakoj dogovor zaklyuchat' – uchenicheskiy ili ob obuchenii]. Employment case. 2017. No 4. Pp. 84-89.

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

УДК 81'272, ББК 81.5, ГСНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.01

Т. В. Бердникова

Саратов, Россия

ВЫДВИЖЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ: К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ «БЕЛЫЙ БУКВАРЬ»)

В статье рассматриваются способы создания выдвигения в материалах экстремистской направленности. Исследуется выдвигение как средство создания экспрессивности. Анализу подвергаются такие средства выдвигения, как заголовок, расширенное описание, не традиционное для современной русской орфографии написание слова, адресованность, ассоциативность. В качестве материала выступает публикация, размещенная в сети Интернет, – «Белый букварь». Рассматриваются особенности «научных» и «учебных» жанров, которые используют авторы материалов экстремистской направленности. В статье выявляется специфика жанра букваря применительно к экстремистским материалам. Анализ проводится с учетом жанра публикации, коммуникативной ситуации, языковых средств выражения выдвигения как средства создания экспрессивности текста.

Ключевые слова: выдвигение, экспрессивность, речевой экстремизм, лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Бердникова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом ФБУ Саратовская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации. 410028, Саратов, ул. Вольская, 11а, к. 155.
E-mail: syntax2@yandex.ru

T. V. Berdnikova

Saratov, Russia

FOREGROUNDING AS A MEANS OF CREATING EXPRESSIVENESS: ON INTERPRETATION OF THE EXTRIMIST TEXTS (A CASE STUDY OF «WHITE ABC BOOK» PUBLICATION)

The article deals with the methods of creating foregrounding in the materials of extremist slant. Foregrounding as a means of creating expressiveness is studied. The author analyzes such means of foregrounding as title, extended description, non-traditional for modern Russian spelling of a word, addressing character, associativity. The material under study is the publication posted on the Internet – «White ABC-book». The features of «scientific» and «educational» genres used by the authors of extremist materials are considered. The article reveals the specificity of the ABC-book genre related to extremist materials. The analysis is carried out taking into account the genre of publication, communicative situation, and linguistic means of foregrounding as a way of creating expressiveness of the text.

Key words: nomination, expressiveness, speech extremism, linguistic examination.

About the author: Tatyana Vladimirovna Berdnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of Division in Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation. 410028, Saratov, ul. Volskaya 11, k. 155. E-mail: sintax2@yandex.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1006

За последние годы материалы экстремистской направленности все чаще становятся объектом лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы. Это тексты, интернет-комментарии, печатные периодические и неперидические издания, поликодовые тексты и т.д.

Среди многообразия экстремистских материалов достаточно распространена т.н. «учебная» и «научная» литература, к жанрам которой авторы прибегают для создания большей достоверности и убедительности своей точки зрения. Часто в жанре научной монографии представлены книги, основной темой которых является происхождение наций, рас, религий и т.д. (например, «Расология» В. Авдеева, в которой автором репрезентируется научный подход к исследованию происхождения рас и т.п.).

Особое место среди «учебных» материалов занимает такой жанр, как

букварь. Букварь – «азбука, учебник для первоначального обучения грамоте; служит целям воспитания детей, развития их речи и логического мышления. Включает материал, формирующий у воспитанников нормы поведения и взаимоотношений между старшими и младшими. Основные структурные звенья букваря – буквы, буквосочетания, слоги, цифры, грамматические сведения, обращения к детям и родителям, наставления, текстовые и иллюстрированные материалы, схемы, таблицы» [Национальная педагогическая энциклопедия: URL]. Основными функциями этого жанра являются обучающая, ознакомительная, воспитательная, поучительная. Поскольку адресатом букваря является младший школьник, он призван не только знакомить ребенка со знаниями, но и воспитывать, наставлять читающего.

Таким образом, создавая текст в жанре букваря, автор имеет следующие цели: обучить, наставить, воспитать читателя.

Одним из таких букварей, поступивших на исследование с целью выявления признаков экстремистских значений, является «Белый букварь». Данный информационный материал, распространенный в сети Интернет на сайте <http://talks.guns.ru>, был признан экстремистским (решение Октябрьского районного суда г. Ижевска от 01.06.2010) и внесен в Федеральный список экстремистских материалов [Федеральный список экстремистских материалов РФ: URL]. Несмотря на это, «Белый букварь» почти в полном объеме представлен в сети Интернет.

«Белый букварь» содержит рисунки и тексты в стихотворной форме. Тексты снабжены картинками, выполненными в упрощенной, символически-схематичной манере, что соответствует жанру и цели букваря – максимально точно и доступно объяснить понятия. Таким образом, это поликодовый текст, то есть текст, в котором содержатся две знаковые системы (вербальная и визуальная), «смысл которых создается совокупностью различных знаковых систем, например, с помощью слова и изображения, слова и музыки, музыки и танца и пр.» [Судебная лингвистика 2015: 56].

Приведем несколько примеров страниц «Белого букваря»:

Жыд

Самый страшный зверь на свете,
Знают взрослые и дети.
С детской кровью ест мацу,
Нос с горбом ему к лицу.

Недостаток виден в ушках,
Кудри в чёрных завитушках.
А губа-то, а губа -
Точно гнутая труба!

Носит часто пейсы он,
И в интригах чемпион.
Он везде: и там и тут,
Но не знает слова "труд".

Он "Госсию" часто славит,
Только лжёт он и картавит.
Знай же друг-антисемит,
Этот зверь зовётся жыд!

Жыд

*Самый страшный зверь на свете,
Знают взрослые и дети.
С детской кровью ест мацу.
Нос с горбом ему к лицу.
Недостаток виден в ушках,
Кудри в черных завитушках.
А губа-то, а губа –
Точно гнутая труба!
Носит часто пейсы он,
И в интригах чемпион.
Он везде: и там и тут.
Но не знает слова «труд».*

*Он «Госсию» часто славит,
Только лжет он и картавит.
Знай же друг-антисемит,
Этот зверь зовется жyd!*

Музыка

*Бьют скинхеды в барабан,
Будет слышно всем врагам.
И по струнам лихо бьют.
В микрофон «Зиг Хайль!» поют.
Это музыка скинов,
Лопнут уши у врагов!
Больше бритого безумства
И бетонных кулаков!*

*Это музыка войны!
Под нее живут скины!
Под нее линчуют чурок,
Очищая лик Земли.*

Проблема интерпретации при исследовании подобного рода материалов включает в себя ряд вопросов, которые связаны прежде всего с жанром данного объекта.

С одной стороны, в таких текстах (в широком смысле слова) присутствует пародийный компонент.

Согласно определению, данному в Русском семантическом словаре, пародия – художественное произведение, в юмористической или сатирической форме подражающее другому произведению [Русский семантический словарь 2002]. «Белый букварь» подражает учебному букварю для младших школьников: автор намеренно создает образы, которые скорее относятся к понятию «черный юмор». Цель такого букваря – познакомить читателя с националистической, экстремистской идеологией, с важными для автора понятиями.

С другой стороны, имеет место художественная стилизация. «Белый букварь» стилизован под учебный школьный букварь: в нем содержатся статьи, которые представлены как объяснение слов и понятий. Данные статьи иллюстрируются цветными, упрощенными картинками. Поскольку текст имеет стихотворную, образную структуру, следует говорить о его соотнесенности с жанрами художественной речи, в частности, со стихотворением. Таким образом, «Белый букварь» в жанровом плане имеет две составляющих: «учебно-научную» (вернее, псевдонаучную) и художественную. Обе эти стороны необходимо учитывать при анализе подобного рода текстов. Это становится возможным при применении понятия выдвигания.

Вслед за И. В. Арнольд мы понимаем понятие выдвигания как «наличие в тексте каких-либо формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня»

[Арнольд 2010: 205]. Выдвижение, в отличие от формального переключения внимания читателя, «выполняет целый ряд смысловых функций, одной из которых является повышение экспрессивности» [Арнольд 2010: 206].

Рассмотрим средства выдвижения на примере страницы «Белого букваря» со стихотворением «Жыд».

Во-первых, в качестве средства выдвижения выступает заголовок, то есть информация, представленная в сильной позиции и прогнозирующая читателя на восприятие следующего за заголовком текста, – «жыд».

Слово «жид» имеет значение «презрительное название еврея» [Толковый словарь русского языка 1935; Словарь русского языка 1999; Большой толковый словарь русского языка 1998; Словарь современного русского города 2003; Химик 2004; Большой академический словарь русского языка 2006]. Данная лексема в совокупности с общим контекстом выражает признаки значения «унижение», для которого, согласно «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму», характерна негативная оценка данной группы, ее представителей, ее ценностей. Выражена речевая цель: информирование об отношении к предмету речи: *«я это/так говорю о них (о вас), потому что оцениваю низко, не считаю их (вас) равным себе, своей группе; я этого не скрываю и хочу, чтобы аудитория знала о моем отношении»* [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014].

Текст строится таким образом, что читателю предлагается догадаться, о ком он написан. Для этого используется описание внешности персонажа («жыда»), что является еще одним средством выдвижения: *Нос с горбом ему к лицу./ Недостаток виден в ушках./ Кудри в черных завитушках./ А губа-то, а губа –/ Точно гнутая труба!/ Носит часто пейсы он,/ Только лжет он и картавит.* Описание внешних признаков сочетается с описанием внутренних качеств и традиций, характерных для людей еврейской национальности: *С детской кровью ест мацу. И в интригах чемпион. Он везде: и там и тут. Но не знает слова «труд». Он «Госсию» часто славит. Только лжет он и картавит.*

Кроме того, в качестве еще одного средства выдвижения можно выделить написание слова через букву «ы», которое является отличным от традиционного для современной русской орфографии написанием. Это свидетельствует о негативно-оценочном отношении автора к людям еврейской национальности, поскольку звук [ы], согласно шкале А.П. Журавлева, относится к «темным» цветам, следовательно, слово «жыд» с подобным написанием может вызывать негативные ассоциации. Ассоциативность также является средством выдвижения.

Еще одним средством выдвижения служит адресованность текста. Под адресованностью понимается направленность текста, ориентация материала на определенную аудиторию, т.н. «фактор адресата» [Арутюнова 1981]. В данном тексте адресат назван как «друг-антисемит»: *Знай же друг-антисемит,/ Этот зверь зовется жыд!* Однако с учетом коммуникативной ситуации – распространение «Белого букваря» в сети Интернет – адресатом может выступать любой пользователь сети Интернет. Таким образом, адресатом становится неопределенный широкий круг лиц, а также эксплицитно обозначенный адресат – «друг-антисемит». Последнего автор стихотворения включает в круг своих единомышленников, потому что для его обозначения используется слово «друг».

Поскольку представленные выше средства выдвижения фокусируют внимание на смысловых акцентах, складывающихся в общую экспрессивно-эмоциональную картину, они служат средством создания экспрессивности.

Таким образом, нами были выявлены основные способы выдвижения в текстах экстремистской направленности, к которым относятся:

- 1) заголовок;
- 2) расширенное описание;
- 3) не традиционное для современной русской орфографии написание слова;
- 4) ассоциативность;
- 5) адресованность текста.

В заключение отметим, что при изучении текстов экстремистской направленности следует проводить многоступенчатый анализ, в том числе включающий средства выдвижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356-367.
3. Большой академический словарь русского языка. СПб., 2006. Т. 5.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1991.
6. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
7. Национальная педагогическая энциклопедия. URL: <http://didacts.ru/termin/bukvar.html>.
8. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 2002.
9. Словарь современного русского города. М., 2003.
10. Словарь русского языка: В 4-х тт. М., 1999. Т. 1.
11. Судебная лингвистика. Барнаул, 2015.
12. Толковый словарь русского языка. М., 1935. Т. I.
13. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб., 2004.

REFERENCES

1. Arnold I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality* [Semantica. Stilistica. Intertekstualnost]. Moscow, 2010.
2. Arutunova N. D. *The recipient factor* [Factor adresata]. News of Academy of Sciences of the USSR. Series of literature and language. 1981. T. 40. No 4. Pp. 356-367.
3. *Large academic dictionary of the Russian language* [Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka]. T. 5. St.Petersburg, 2006.
4. *Large explanatory dictionary of the Russian language* [Bolshoi tolkovyi slovar russkogo

yazyka]. St.Petersburg, 1998.

5. Zhuravlev A. P. *Sound and meaning* [Zvuk I smysl]. Moscow, 1991.

6. Kukushkina O. V., Safonov Yu. A., Sekera T. N. *The methodology of the forensic psycholinguistic examination of cases related to counteraction to extremism and terrorism* [Metodika provedeniya psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu I terrarizmu] Moscow, 2014.

7. *National pedagogical encyclopedia* [Natsionalnaya pedagogicheskaya enciklopediya]. URL: <http://didacts.ru/termin/bukvar.html>.

8. *Russian semantic dictionary: dictionary, classified according to the classes of words and meanings* [Russkii semanticheskii slovar: tolkovyi slovar, sistematizirovannyi po klassam slov I znachenii]. Moscow, 2002.

9. *Dictionary of modern Russian city* [Slovar sovremennogo russkogo goroda]. Moscow, 2003.

10. *Dictionary of the Russian language* [Slovar russkogo yazyka: 4 t.]. Moscow, 1999. T. 1.

11. *Forensic linguistics* [Sudebnaya lingvistika]. Barnaul, 2015.

12. *Explanatory dictionary of the Russian language* [Tolkovyi slovar russkogo yazyka]. Moscow, 1935. T. I.

13. Federal list of extremist materials [Federalnyy spisok ekstremistskih materialov]. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>.

14. Chimik V. V. *Large dictionary of Russian colloquial expressive vocabulary* [Bolshoi slovar russkoi razgovornoj ekspressivnoi leksiki]. St.Petersburg, 2004.

УДК 659, 81'373.45, ББК Ш 100.3, ГРНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.19

Ю. В. Донскова

Москва, Россия

**ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НАИМЕНОВАНИЙ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
«АНТИГРИППИН»)**

Статья находится на стыке двух научных направлений: фармаконимики и юрислингвистики. Связано это с тем, что последнее включает в себя не только собственно юридические, но и лингвистические аспекты, поскольку язык является средством обозначения тех или иных феноменов действительности. Объектом наблюдения является один из элементов рынка лекарственных препаратов. Так как он постоянно растет, возникает необходимость в номинации продукта, чтобы выделить его из разряда других. В то же время на функционирование фармаконима оказывают влияние динамические процессы в языке, которые в свою очередь могут оказать существенное влияние на вопросы охраны наименования как объекта интеллектуальной собственности. В статье отмечается, что при наличии различных видов наименований лекарственных препаратов, определяемых законодательно, общими критериями для всех видов являются уникальность, отсутствие сходства по написанию и звучанию с другими. Однако в связи с тем, что процесс номинации лекарственного препарата, а также защита наименования как объекта интеллектуальной собственности касается как лингвистики, так и юриспруденции, в статье рассматриваются вопросы практического применения лингвистических познаний для анализа различительной способности товарного наименования и определения его перехода во всеобщее употребление. Указаны прецеденты на примере лексемы «аспирин», когда наименование перестает охраняться по причине перехода в общеизвестное наименование. Методика лингвистического анализа показана на примере обозначения «антигриппин», которое сейчас проходит процесс перехода из имени собственного в нарицательное. На примере наименования «антигриппин» показано, что необходимо проводить трехступенчатое лингвистическое исследование, состоящее из анализа лексикографических источников, морфемной структуры слова, а также контекстуального употребления спорного обозначения.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, лингвистическая экспертиза, товарный знак, дискурс.

Сведения об авторе: Юлия Викторовна Донскова, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет). 123242, Москва, ул. Садовая-Кудринская д. 3,

стр. 1. E-mail: donskova.yv@sechenov.ru

Yu. V. Donskova

Moscow, Russia

**USE OF LINGUISTIC EXPERTISE OF PHARMACEUTICAL NAMES
(«ANTIGRIPPIN» CASE STUDY)**

The article is at the junction of two research fields: pharmaceutical naming and forensic linguistics. This is due to the fact that forensic linguistics includes not only legal but also linguistic aspects because the language is a means to express certain phenomena. The object of the research is one of the items on the pharmaceutical market. As this market keeps growing, there is always need in the nomination of a product so that it can be distinguished from all the rest. At the same time, the functioning of a pharmaconym is influenced by dynamic processes in the language, which in its turn may have a significant impact on protection of the name as an object of intellectual property. The article notes that, with various types of drug names defined by the law, the general criteria for all the types are uniqueness and lack of similarity with others in their spelling or pronunciation. However, since pharmaceutical naming and protection of the name as an object of intellectual property are matters of both linguistics and law, the article deals with practical application of linguistic knowledge to analyse the distinctive ability of a product name and to spot its transition to universal use, pointing out such cases as the “aspirin” lexical unit, with the product name no longer protected because of its becoming a generic name. The method of linguistic analysis is illustrated by the example of “antigrippin”, the word which is now undergoing the transition from a proper to a generic name. Using the case of “antigrippin”, we show that it is necessary to conduct a three-step linguistic study consisting of the analysis of lexicographic sources, the word structure, and the contextual use of the controversial naming unit.

Key words: intellectual property, linguistic expertise, trademark, discourse.

*About the author: Yulia Viktorovna Donskova, candidate of science in Philology, associate Professor of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, First Moscow State Medical University (Sechenov University). 123242, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya house 3, building 1.
E-mail: donskova.yv@sechenov.ru*

DOI 10.14258leglin(2018)9-1007

Вопросы охраны наименования лекарственных средств

Законодательство РФ, в частности ст. 4 ФЗ № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ред. от 04.06.2018), выделяет следующие типы

наименований лекарственных средств: международное непатентованное, торговое и группировочное наименования. Их выбор диктуется целым перечнем как международных, так и национальных законов и правовых актов и зависит от того, является ли наименование патентованным или нет. В случае с патентованными наименованиями на национальном уровне правила выбора определяются Гражданским кодексом (ст. 1252, 1483) и ведомственными актами (Минздрав, Роспатент). Международные непатентованные наименования (МНП) регламентируются «Руководством по международным непатентованным наименованиям» Всемирной организации здравоохранения. Для группировочных наименований действуют правила Коллегии Европейской экономической комиссии. Общими критериями для всех видов наименований являются уникальность, отсутствие сходства по написанию и звучанию с другими.

В течение нескольких лет в судах различных инстанций в РФ рассматривался спор относительно наименования «антигриппин» (5 класс МКТУ – фармацевтические препараты). Одним из исковых требований был запрет на использование наименования, сходного до степени смешения. Многочисленные публикации на эту тему в специальной литературе касались сугубо юридических аспектов: недобросовестная конкуренция при использовании объектов интеллектуальной собственности и взыскание убытков. Однако одной из проблем в процессе охраны наименований, служащих средством индивидуализации, являются не только юридические вопросы, но и лингвистические. В одной из своих предыдущих публикаций на примере словосочетания «умный крем», входящего в состав наименования косметических продуктов, мы показали, что в ряде случаев проблемы охраны интеллектуальной собственности «связаны с динамическими процессами в лексике (межъязыковое взаимодействие, терминологизация наименования, переход имен собственных в нарицательные и т.п.)» [Донскова 2017: 81].

Иногда такие процессы приводят к появлению территориальных особенностей восприятия словесного обозначения. В. В. Старженецкий,

рассматривая решение Президиума Высшего Арбитражного суда относительно прекращения охраны наименования «phenazepam», приводит в качестве примера обозначение «аспирин, которое в США признается обозначением вида лекарственного средства, а в Германии – товарным знаком» [Старженецкий: URL]. И этот перечень стран далеко не полный. Во Франции, Великобритании и Южной Корее аспирин также является обозначением вида лекарственного средства.

Очевидно, что в случае возникновения подобных споров необходимо также привлечение специальных лингвистических познаний. К указанным выше причинам добавим еще несколько. Не всегда суд или патентовед может правильно классифицировать и интерпретировать те или иные лингвистические явления. Так, в заключении коллегии Палаты по патентным спорам (от 26 октября 2017 года – Приложение к решению Роспатента от 10.11.2017 по заявке №2014713959 «О признании предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным») относительно товарного знака «эмоксикард» и сходного с ним до степени смешения «эмоксипин» содержится ряд неточностей, выполненных при анализе товарных знаков. В частности, в словесных обозначениях выделяется элемент -пин-, который, как указывается в тексте заключения, выделяется в наименованиях «амлодипин», «антигриппин», «карбамазепин», «кордипин», «нифедипин», «резерпин». Однако в случае с наименованием «антигриппин» это противоречит принципам морфемного членения слова. Также не вполне правильны отсылки при анализе того или иного наименования к поисковым системам или словарям, содержащимся собственно в этих поисковых системах.

Рассмотрим возможности проведения лингвистической экспертизы как средства доказывания для выявления обозначения, вошедшего во всеобщее употребление (на примере наименования «антигриппин»).

Лингвистическая экспертиза наименования лекарственного средства

При проведении подобного исследования эксперту нужно решить следующие задачи. Первая – это рассмотреть, используется ли в русском языке

обозначение «антигриппин» в качестве прямой характеристики назначения лекарственного препарата. Вторая – какова модель образования лексемы «антигриппин» в русском языке. Третья – является ли указанный словесный элемент самостоятельной лексической единицей русского языка.

На первом этапе исследования необходимо проанализировать употребление лексемы «антигриппин» в современном русском языке. В толковых словарях зафиксированы следующие значения:

(1) «Лекарственный препарат, применяемый при лечении гриппа» [Кузнецов 2014: 41].

(2) «Лекарственный препарат, применяемый при лечении гриппа или как профилактическое средство» [Ефремова 2000: 34].

Как показывают словарные статьи, основным смысловым компонентом (интегральной семой) является словосочетание ‘лекарственное средство’. Оно обозначает тип предмета и его родовое наименование / семантическую группу, а также назначение (лечение заболевания – грипп – или его профилактика). Словарные статьи, фиксирующие лексему «антигриппин», дают одно толкование и не содержат каких-либо помет. Значения, закрепленные в словарях, позволяют отнести «антигриппин» к разряду наименований типа «валидол», «аспирин», «парацетамол».

На втором этапе исследования необходимо рассмотреть особенности образования лексемы «антигриппин». Морфемно-словообразовательный анализ лексемы «антигриппин» показывает, что она образована от основы «грипп» с помощью префикса анти- и суффикса -ин-. Современные словари русского языка дают следующее толкование приставки анти-:

(1) «[Греч. *anti*...]. Приставка, обозначающая противоположность чему-л., направленность чего-л., напр.: *антивоенный, антиимпериалистический, антикрепостнический, антимилитаризм, антиобщественный, антисанитарный, антифашизм*» [Семенюк 2000: 37].

(2) «Образует имена существительные и прилагательные со значением противоположности, направленности против чего-н., напр. *Антивоенный,*

антидемократический, антинародный, антинаучный, антиобщественный, антирелигиозный, антифашист, антихудожественный» [Лопатин 2009: 21].

(3) «Приставка, употребляющаяся для выражения противоположности. Направленности против кого-, чего-л. (соответствует по значению русскому «противо-»)» [Скляревская 2001: 22].

Приставка анти- относится к числу продуктивных и в лексеме «антигриппин» выступает в своем обычном, закреплённом в словарях значении «против». Необходимо также отметить, что «характерной чертой приставок является их семантическая отдельность в структуре слова. Значения приставок более определены и стандартны, чем значения суффиксов» [Тихонов 2010: 668].

Лексическое значение лексемы «грипп», устанавливаемое через основу -грипп-, дается в словарях русского языка:

(1) «Острое вирусное заболевание, характеризующееся воспалением дыхательных путей и лихорадочным состоянием» [франц. *grippe*] [МАС, т. 1: 348].

(2) «[франц. *grippe*] Острое инфекционное заболевание, характеризующееся воспалением дыхательных путей и лихорадочным состоянием» [Кузнецов 2014: 228].

Суффикс -ин- имеет значение вещества (ср. антинакипин, антитоксин). Таким образом, слово «антигриппин» образовано от иностранного (французского) корня с помощью латинской приставки. Входящие в состав слова «антигриппин» аффиксы позволяют отнести его к первой степени членимости, где они мультивалентны, то есть сочетаются со многими морфемами (Ср. **антинакипин**, **антитоксин**, **антикомарин**). Сопоставление производной и производящей основы позволяет вычленить словообразовательное значение слова «антигриппин»: ‘вещество против того, что обозначено в производящей основе’ (ср. антинакипин и антикомарин – ‘вещество против того, что обозначено в производящей основе’, то есть вещество против накипи и комаров соответственно).

На третьем этапе исследования необходимо проанализировать

функционирование лексемы «антигриппин» в контексте. При анализе мы исходили из той позиции, что название торговой марки лекарственного средства пишется с прописной буквы в кавычках, а бытовое наименование лекарственного средства – со строчной буквы без кавычек.

В Основном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) на момент обращения зафиксировано 3 документа с 6 вхождениями лексемы «антигриппин». Газетный корпус НКРЯ включает 27 документов с 68 вхождениями лексемы «антигриппин». Самое раннее употребление в НКРЯ датируется 1997 годом. Первое же из имеющихся словарных употреблений датируется 2000 годом. За это время вторичных значений словари не фиксируют.

Контексты употребления лексемы «антигриппин» объединяются в несколько групп:

Группа 1. Лексема «антигриппин» является полным наименованием препарата или его составной частью, занимающей доминирующую позицию. Об этом свидетельствует написание с прописной буквы и в кавычках, которые выступают в функциональном значении выделения наименования. В примерах (1) и (2) лексема «антигриппин» выступает приложением к слову «препарат». Их взаимоотношения необходимо рассматривать как родовое (препарат) -видовое («Антигриппин»).

1. «При высокой температуре принимать жаропонижающие препараты, такие, например, как «Терафлю», «**Антигриппин**», «Колдрекс», «Максгрипп» [Александра Денисова. Грипп вспыхнет по новой. Труд-7, 2011.02.].

2. «Лечиться от простудных заболеваний соотечественники предпочитают российским препаратом «**Антигриппин-максимум**» [Волкова Наталья. Народ держит марку. Труд-7, 2009.10.16].

3. «Внедрение новой системы сохранения обуви: ботинкам – касторовое масло на ночь, себе – «**Антигриппин**» натошак для общего тонуса организма» [Ольга Пескова. Погода. «Столица», 1997.02.17].

4. «Чаще всего называют «Колдрекс», «Флюколд», «Парацетамол», «**Антигриппин**» и витамин С. Были названы также «Терра Флю» и «Арбидол»

лэнс» [Юлия Смирнова, Дина Литвинова. Грипповуха! Комсомольская правда, 2003.02.25].

5. «Например, такие популярные средства, как «Терафлю» или «**Антигриппин**» [Эдвард Сержан. Оксана Нагалатий: «Из-за простуды лишилась партнера». Известия, 2014.01.09].

Группа 2. Лексема «антигриппин» обозначает лекарственный препарат в его устоявшемся, закреплённом бытовом значении.

(1) «Среди контролируемых препаратов – ремантадин, арбидол, ингавирин, кагоцел, виферон, интерферон, оксолиновая мазь, **антигриппин** и одноразовые защитные маски (прошлой зимой и они одно время были большим дефицитом)» [Антон Забоев. В Сыктывкаре нет проблем с арбидолом и защитными масками. Комсомольская правда, 2011.02.09].

(2) «Пришлось переболеть «на ногах» гриппом, глотая привычные **антигриппин** и парацетамол» [Зайцев Михаил. Болеть – дорогое удовольствие. Труд-7, 2006.11.08].

(3) «Его медийные связи позволят более эффективно продвигать основной препарат – **антигриппин**, уверены эксперты рынка» [Полина Быховская. Медийщики продвинули антигриппин. РБК Daily, 2010.05.12].

(4) «– Сегодня можем предложить только **антигриппин** и амиксин, – говорят сотрудники аптеки» [Светлана Кычанова. В Омске с прилавков аптек смели лекарства от гриппа. Комсомольская правда, 2009.11.17].

(5) «А мне там отвечают: «Примите **антигриппин**, что-нибудь от температуры, ждать придется долго» [Из-за ранней весны в Ижевске медведи вышли из спячки на месяц раньше. Комсомольская правда, 2009.02.25].

(6) «Мне помогают такие шарики – **антигриппин**. Если попить по схеме денек-другой, сразу выздоравливаю» [Наталья Анисимова, Елена Ионова. Гомеопатия: реальная польза или самообман? Комсомольская правда, 2007.09.19].

(7) «Также бесполезен и **антигриппин**, ведь он в большей степени направлен на снятие симптомов – температуры, головной боли и прочего,

профилактический эффект отсутствует» [Итоговый выпуск (вечерний) – 17.08.05 19:05 – Екатеринбург. Новый регион 2. 2005.08.18].

(8) «Для профилактики мы рекомендуем арбидол, ремантадин, **антигриппин**, интерфероны» [Ганеева Ольга. Вирус российского масштаба. Труд-7, 2001.10.03].

Группа 3. Лексема «антигриппин» формирует переносное значение, не соотносимое собственно с лекарственным препаратом, и распространяется на различный круг предметов. Контекстуальное употребление лексемы «антигриппин» указывает на то, что она функционирует и как имя нарицательное.

(1) «Не лечитесь водкой, это большое заблуждение, что она – русский **антигриппин**» [Берестов Серафим. Не чихайте на грипп. Труд-7, 2005.02.17].

(2) «Китайский антигриппин: без рецепта или по рецепту врача?»¹.

(3) «Кедровый антигриппин»².

Выделенные три типа функционирования лексемы «антигриппин» показывают, что она входит в «группу ономастической лексики, наличие которой также иллюстрирует проницаемость границ между именами собственными и нарицательными» [Дударева 2014: 35].

Проведенный анализ показал, что лексема «антигриппин» обозначает предмет из разряда лекарственных препаратов, соотносимых с разрядом наименований типа «валидол», «аспирин», «парацетамол». Обозначение «Антигриппин» используется и как прямая (не через ассоциации) характеристика назначения лекарственного препарата, и как бытовое наименование лекарственного препарата. Однако будучи собственным наименованием, становясь предметом массового производства, оно постепенно утрачивает специфические черты и переходит в разряд нарицательных наименований, обнаруживая периферийные значения.

1 https://www.vb.kg/doc/347591_kitayskiy_antigrippin:_bez_recepta_ili_po_recepty_vracha.html

2 http://jivoymag.ru/kedrovay_produkciya/kedroviy_antygrippin.html

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка. Под. ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2014.
2. Донскова Ю. В. Лингвистическая экспертиза установления различительной способности коммерческого наименования (на примере словосочетания «умный крем»). Юрислингвистика. № 6. 2017. С. 79–88.
3. Дударева Я. А. Лингвистическая экспертиза товарных знаков. Кемерово, 2014.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
5. Лексические трудности русского языка: словарь-справочник (Семенюк А. А. и др.). М., 2000.
6. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М., 2010.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
8. Словарь русского языка: в 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
9. Старженецкий В. В. Досрочное прекращение охраны товарного знака вследствие признания его обозначением, вошедшим во всеобщее употребление. URL: <https://www.lawmix.ru/jude/2945>
10. Толковый словарь русского языка конца XX века. Ред. Г. Н. Складеревская. М., 2001.
11. Толковый словарь современного русского языка. Гл. ред. В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М., 2009.

REFERENCES

1. *The large explanatory dictionary of the Russian language*. Edited by S. A. Kuznetsov [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod. red. S. A. Kuznecova]. St.Petersburg, 2014.
2. Donskova Yu V. *Use of linguistic expertise in ascertaining the distinctiveness of a trade name («smart cream» case study)* [Lingvisticheskaya ehkspertiza ustanovleniya razlichitel'noj sposobnosti kommercheskogo naimenovaniya (na primere slovosochetaniya «umnyj krem»)]. Legal linguistics. 2017. Vol. 6. Pp. 79–88.
3. Dudareva Ya. A. *Linguistic examination of trademarks* [Lingvisticheskaya ehkspertiza tovarnyh znakov]. Kemerovo, 2014.
4. Efremova T. F. *The new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation* [Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovobrazovatel'nyj]. Moscow, 2000.
5. *Lexical difficulties of the Russian language: a dictionary and a reference book*. Semeniuk A. A. et al [Leksicheskie trudnosti russkogo yazyka: slovar'-spravochnik (Semenyuk A. A. i dr.)]. Moscow, 2000.
6. Tikhonov A. N. *The morphemic-spelling dictionary of the Russian language* [Morfemno-

orfograficheikij slovar' russkogo yazyka]. Moscow, 2010.

7. *Russian national corpora* [Nazional'nyi korpus russkogo yazyka]. URL: <http://ruscorpora.ru/corpora-intro.html>

8. *Russian dictionary*: in 4 vol. Edited by Evgenieva A. P. [Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. Pod red. A. P. Evgen'evoj]. Moscow, 1999.

9. Starzhenetsky V. V. *Early termination of trademark protection due to its recognition as a generic name* [Dosrochnoe prekrashchenie ohrany tovarnogo znaka vsledstvie priznaniya ego oboznacheniem, voshedshim vo vseobshchee upotreblenie]. URL: <https://www.lawmix.ru/jude/2945>

10. *The explanatory dictionary of the Russian language of the late XX century*. Edited by Sklyarevskaya G. N. [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka konca XX veka. Red. G. N. Sklyarevskaya] Moscow, 2001.

11. *The explanatory dictionary of the modern Russian language*. Chief editors Lopatin V. V., Lopatina L. E. [Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Gl. red. V. V. Lopatin, L. E. Lopatina]. Moscow, 2009.

УДК 81'42, ББК 67.53, ГРНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.01

Г. В. Напреенко

Кемерово, Россия

ОБ УЧАСТИИ ЛИНГВИСТА В СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Данная статья направлена на освещение практики рассмотрения уголовных дел об оскорблении представителей власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. На материале протоколов допросов свидетелей и потерпевших по делам об оскорблении представителей власти рассматриваются проблемы, которые встают перед лингвистом в ходе установления наличия или отсутствия речевого акта оскорбления в высказываниях. Ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» оперирует понятием «оскорбление», обозначенным в ст. 5.61 КоАП РФ, а также в утратившей силу ст. 130 УК РФ «Оскорбление»: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Лингвисты и юристы едины во мнении, что данное определение оскорбления дается в слишком общем виде. Неточное толкование понятия «оскорбление», а главное, отсутствие определения входящей в него дефиниции «неприличная форма» влекут неоднозначность определения ряда высказываний как оскорбительных. В данной статье рассматриваются некоторые слова, наиболее часто воспринимаемые представителями власти как оскорбительные и явившиеся поводом для возбуждения уголовных дел. Оскорбление как речевое преступление в рамках ст. 319 УК РФ предполагает адресность спорного высказывания, наличие лексики, относящейся к разряду оскорбительной, неприличную форму выражения такой лексики, а также публичность. На примере анализа ряда слов, приведенных в данной статье, наблюдается явное противоречие между бытовым пониманием оскорбления и оскорблением, подлежащим правовому регулированию.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертиза, оскорбление, оскорбление представителя власти.

Сведения об авторе: Галина Викторовна Напреенко, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, латинского языка и медицинской терминологии Кемеровского государственного медицинского университета Минздрава РФ. 650056, Кемерово, ул. Ворошилова 22а. E-mail: vila1991@mail.ru

G. V. Napreenko

Kemerovo, Russia

ON THE PARTICIPATION OF A LINGUIST IN COURT HEARINGS ON CRIMINAL CASES OF INSULTS TO THE REPRESENTATIVES OF AUTHORITIES

The article deals with discussing the practice of hearing criminal cases on insults to the authorities in the discharge of their duties or in connection with them. The problems faced by a linguist while identifying presence or absence of verbal insult in statements are considered on the material of witness and victim interrogation reports in cases of insulting the authorities. Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation «Insult of a representative of the authorities» considers the concept «insult» indicated in Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as in the void Article 130 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: «Insult is humiliation of the honor and dignity of another person, expressed in indecent form». Linguists and lawyers are unanimous in their opinion that this definition of insult is given in a too general form. Inaccurate interpretation of the concept «insult», and what is most important, the lack of the definition of «indecent form» leads to the ambiguity in referring to statements as offensive. This article discusses some of the words that are more often perceived by representatives of the authorities as offensive and that yielded initiation of proceedings. Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation states that insult as a speech crime implies addressing character of a controversial utterance, the presence of vocabulary related to the category «offensive», indecent form of expression of such vocabulary, as well as publicity. On the example of the analysis of a number of words given in this article, there is a clear contradiction between the everyday understanding of the word «insult» and «insult» as a subject to a legal regulation.

Key words: legal linguistics, linguistic expertise, insult, insult to the authorities.

About the author: Galina Viktorovna Napreenko, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Chair of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology Kemerovo State Medical University Minzdrava RF. 650056, Kemerovo, ul. Voroshilova, 22a. E-mail: vila1991@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1008

Статья 130 УК РФ «Оскорбление», предполагающая уголовную ответственность за оскорбление личности, утратила силу в 2012 году и была заменена статьей административного кодекса – ст. 5.61. КоАП РФ «Оскорбление». При этом **уголовная ответственность** за оскорбление как речевое преступление в настоящее время регулируется статьями 319 УК РФ

«Оскорбление представителя власти», 297 УК РФ «Неуважение к суду» и 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего». Под оскорблением в указанных статьях уголовного кодекса понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [Федеральный закон: URL].

Фундаментальным противоречием в делах об оскорблении является различие бытовой, лингвистической и юридической трактовок данного понятия. Хотя в Федеральном законе содержится определение понятия «оскорбление», для установления наличия или отсутствия речевого акта оскорбления в спорном высказывании данного определения недостаточно, так как значение составляющих его дефиниций не раскрывается. На это обращают внимание многие лингвисты (И. А. Стернин, Т. В. Чернышова, Ю. Ю. Магеримова и др.).

В настоящей статье освещается практика участия лингвиста в судебных заседаниях об оскорблении представителей власти (ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»). Совершение речевого правонарушения согласно данной ст. 319 УК РФ предполагает, во-первых, публичность совершения речевого акта оскорбления, во-вторых, направленность конфликтного высказывания лицу, исполняющему должностные обязанности представителя власти: «Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением» [Федеральный закон: URL]. Так, поводом для возбуждения уголовного дела становится высказывание, выраженное в неприличной форме, в адрес лица, являющегося представителем власти, публично, при свидетелях. Публичность речевого акта и адресность высказывания устанавливается судом или лингвистом-экспертом в зависимости от наличия или отсутствия контекста речевого акта.

Для определения оскорбительного потенциала слова в рамках законодательства необходимо установить наличие двух компонентов, актуализированных в определении понятия «оскорбление»: факта унижения чести и достоинства (а именно – наличие лингвистических признаков унижения чести и достоинства), а также выражения данного факта в неприличной форме.

И. А. Стернин к лингвистическим признакам унижения чести

достоинства относит следующие параметры:

1) «сообщение негативных сведений о лице» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 3];

2) «отнесенность негативных сведений конкретному лицу» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 5]. **Направленность высказывания в адрес** конкретного лица может быть установлена лингвистом путем анализа контекста, в котором содержится спорное слово. В рамках описываемого в данной статье уголовного дела лингвисту не всегда предоставляется целое высказывание подсудимого, чаще предоставлены для анализа косвенные источники, содержащие слова, явившиеся поводом для возбуждения дела. В таких случаях направленность высказывания представителю власти устанавливается судом;

3) «фактологический характер негативных сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 5];

4) «публичный характер распространения сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 11]. Публичный характер распространения сведений в рамках ст. 319 УК РФ связан с произнесением высказывания оскорбительного характера при посторонних лицах (других представителей власти или граждан): «если текст устный, то произнесены ли соответствующие высказывания публично – в присутствии хотя бы одного постороннего человека, свидетеля» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 11];

5) «порочащий характер данных сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12];

6) «установка на публичное сообщение соответствующих сведений (а не на словесное выражение говорящим своей негативной эмоции по поводу личности потерпевшего)» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12]. В высказываниях, цель которых ограничивается эмоционально-экспрессивным выражением, отсутствует установка адресанта на «публичное сообщение негативных сведений окружающим», они не направлены на то, чтобы «специально сообщить негативные факты окружающим, чтобы опозорить,

унизить достоинство человека в глазах окружающих» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12]. Такие высказывания не могут быть признаны информационными.

К лингвистическим признакам унижения чести достоинства относится **неприличная форма высказывания**, актуализированная в определении понятия «оскорбление» в Федеральном законе. Понятие «неприличная форма высказывания», определение которого в законе отсутствует, в лингвистике наполняется различным содержанием и являет собой важное противоречие в связи с неоднозначностью включения в список слов, имеющих неприличную форму. Сомнений в том, что к словам, имеющим неприличную форму, относится обценная лексика (мат), не возникает. Лингвисты выделяют от трех таких слов и их производных (В. Раскин) до пяти обценных слов и их производных [Стернин 2013]. Однако отнесение других лексических единиц к словам, имеющим неприличную форму, не имеет однозначного решения. В ряде лингвистических работ бранные и вульгарные слова не относятся к словам, имеющим неприличную форму, а значит таким, которые могут расцениваться как уголовное преступление, однако оскорбительный потенциал таких слов учеными не подвергается сомнению [Стернин 2010]. В трудах [Цена слова 2002; Шахматова: URL; Жельвис 2000] отмечается, что бранные и вульгарные слова должны быть признаны оскорбительными наряду с нецензурными словами, поскольку так реализуется определенная форма речевого поведения, при этом степень ответственности зависит от степени оскорбительности высказываний: «бранные слова и обороты речи прямо и недвусмысленно оскорбляют достоинство человека, нарушают чистоту речи» [Жеребило 2010]. Так, И. А. Холопова отмечает, что, с юридической точки зрения, инвектива – это «проклятия, богохульства, эвфемизмы, жаргон, прозвища и клички» [Холопова 2014: 3]. Гильдией лингвистов-экспертов был разработан список лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах могут носить оскорбительных характер для конкретного лица. Данный список, состоящий не только из нецензурных слов, но и из бранных, вульгарных слов, основан на

критерии семантического и формального содержания слов: *мошенник, жулик; расист, двурушник; палач, мясник; свинья, осел, корова; воровать, хапнуть; негодяй, хам; женщина легкого поведения, интердевочка; коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы* и нецензурные слова в качестве характеристики лица [Цена слова 2002: 182, 333-349]. Публичная направленность таких слов конкретному лицу, являющемуся представителем власти, может расцениваться как посягательство на его честь и достоинство.

С проблемой однозначного определения неприличности формы лексической единицы связана проблема указания различных стилистических помет, сопровождающих словарную статью, в разных словарях. Данную проблему рассматривает В. А. Синева, анализируя пометы, указанные в словарных статьях «тварь» в разных словарях. Различные пометы могут по-разному влиять на вывод о неприличности формы некоторых слов [Саляев: URL].

Таким образом, проблемами, с которыми сталкивается лингвист при установлении речевого акта оскорбления в высказывании, являются отсутствие однозначности в трактовке понятий «оскорбление» и «неприличная форма».

В рамках ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» лингвист может участвовать в судебном заседании в качестве специалиста. В таком случае он вынужден работать с косвенными источниками высказываний – с показаниями свидетелей и потерпевшего, зафиксированными в протоколах допросов. Вопрос «Являются ли слова, высказанные обвиняемым в адрес представителя власти, оскорбительными?», поставленный перед специалистом, направлен на выявление наличия речевого акта оскорбления. Лингвисту в рамках процесса необходимо установить следующее:

1. Отнесенность спорного высказывания к конкретному лицу.
 2. Отсутствие или наличие речевого акта оскорбления. Отнесенность лексики к разряду оскорбительной.
 3. Форма передачи информации – приличная / неприличная [Бринев: URL].
- Практика участия лингвиста, автора статьи, в судебных заседаниях по

делам об оскорблении представителей власти позволяет выделить некоторые слова, наиболее часто воспринимаемые сотрудниками правоохранительных органов как оскорбительные: *козел, мент, тварь, сука, п***р, мусор, чурка, черт, «пошел на х**»*. Поводом для возбуждения уголовного дела является высказывание, произнесенное при свидетелях и воспринимаемое сотрудником правоохранительных органов как унижающее его честь и достоинство.

Лингвисту предоставляются протоколы допросов, приложения к протоколам допросов, в которых перечисляются лексические единицы, явившиеся поводом для возбуждения уголовного дела. Ниже перечислен пример приложения к протоколу допроса, содержащий трактовку слов сотрудником полиции. Многие спорные лексические единицы повторяются в приложениях к разным протоколам допросов, поэтому в данной статье они объединены в один образец:

«Мужчина высказал в адрес сотрудников полиции следующие оскорбления:

*1) п***р – мужчина, совершивший половой акт с другим мужчиной;*

*2) держи, п***р;*

3) козел – животное;

4) мусор позорный, мусор е...ый (слово, образованное от глагола, обозначающего акт совокупления – Г. В.), это оскорбительное выражение по отношению к сотруднику полиции;

5) черт, что является оскорбительным выражением;

б) х..плет – это оскорбительное выражение.

Все перечисленные оскорбления я считаю оскорбительными, как по отношению к сотруднику, так и по отношению к любому человеку». Ряд высказываний строится по типу: «Да ты козел, тварь, я тебя...» и под.

В приложении к протоколу допроса все слова сотрудником органов полиции определяются как оскорбления (*«следующие оскорбления»*). Это же подтверждается заключительной фразой *«Все перечисленные оскорбления я считаю оскорбительными, как по отношению к сотруднику, так и по отношению к любому человеку»*.

Трудностей с определением слова «х..плет» как оскорбительного не возникает. Оно является производным от слова, относящегося к обценной лексике (мату), и имеет неприличную форму. Использование в речи подобного слова противоречит существующим нормам. Если данное слово произносится публично в адрес представителя власти, оно становится поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Слово «чурка», адресованное, по словам свидетелей, сотруднику правоохранительных органов, в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой имеет два значения:

Чурка

1. *Короткий обрубок, кусок дерева или металла.*

2. *разг.-сниж. Употребляется как бранное слово, которым обзывают бесчувственного, глупого человека.* [Ефремова 2000].

При направленности данного слова в адрес человека актуализируется второе значение, которое в Толковом словаре содержит важное указание для определения оскорбительного статуса данного слова: «*Употребляется как бранное слово*», толкование слова сопровождается пометой «разговорно-сниженное». Сниженная лексика – это «лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры» [Стернин 2010: 389]. Синонимом сниженной лексики являются понятия *сленг, жаргон, просторечие, вульгарная лексика* [Стернин 2010: 389].

Слово «козел» многозначно. В Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой указаны следующие значения:

Козел

1. *м.*

1. *Самец козы.*

2. *перен. разг.-сниж. Упрямый, неприятный в общении человек.*

2. *м.*

1. Гимнастический снаряд в виде обитого кожей короткого бруса на четырех ножках.

3. м. разг.

1. Название игры в карты, в домино.

2. перен. Проигравший в такой игре.

4. м. разг.

1. Автомобиль марки ГАЗ, обладающий большой проходимостью; газик.

5. м. разг.

1. Затвердевший при остывании после плавки и приставший к стенкам печи, ковш и т.п. металл, сплав, шлак.

Адресность данного слова конкретному лицу реализуется в значении «*2. перен. разг.-сниж. Упрямый, неприятный в общении человек*» [Ефремова 2000]. Слово «козел» содержит «резкую обобщенную неодобрительную оценку лица» [Стернин 2010: 389], по классификации гильдии лингвистов-экспертов данное слово относится к зоосемантическим метафорам, отсылающим к названиям животных и подчеркивающим какие-либо отрицательные свойства человека [Цена слова 2002: 182, 333-349].

Бранным (или инвективным) данное слово будет являться, если оно направлено к человеку с целью оскорбить, унизить его честь и достоинство. Отсутствие данных составляющих дает право признать слово «козел» неоскорбительным. В рамках дела по статье 319 УК РФ судом установлено, что слово «козел» адресовано сотруднику правоохранительных органов при свидетелях (публично), слово «козел» стоит в ряду других бранных и нецензурных слов, высказанных подсудимым.

В определении слова «тварь» в Толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой указана помета «разговорно-сниженное», кроме того в словарной статье указано значение слова «*употребляется как бранное слово*» [Ефремова 2000]. Данное значение указано и в МАС.

Тварь:

1. ж. устар.

1. Любое живое существо.

2. ж. разг.-сниж.

1. Подлый, мерзкий, презираемый человек.

2. Употребляется как бранное слово.

Будучи бранным, слово «тварь» содержит «резкую обобщенную неодобрительную оценку лица» [Стернин 2010]. Лексема имеет неприличную форму выражения при адресации его конкретному лицу публично, а значит, может являться оскорбительным и регулироваться статьей 319 УК РФ.

При определении оскорбительного потенциала слова «мусор» проблема обыденного понимания оскорбления и юридического толкования оскорбления встает достаточно остро. Необходимо иметь в виду, что «понятия неприличная языковая форма и оскорбление с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия» [Стернин 2010]. Сотрудники правоохранительных органов данные слова категоризируют как оскорбительные (указано полицейским в приложениях к протоколам допроса). Пожалуй, слово «мусор» представители власти оценивают как одно из самых оскорбительных. Слово «мусор» является жаргонным. Оно служит средством экспрессивного выражения негативного эмоционального состояния, однако слово не образует непосредственного речевого акта оскорбления. При употреблении относительно сотрудника правоохранительных органов является неодобрительной (отрицательной) оценкой лица.

Отнесение жаргонной лексики к оскорбительным словам неоднозначно. Так, слово «п***р» относится к жаргонной лексике и имеет словарную помету «грубое, вульгарное». В значении «плохой, неприятный, вредный человек» является бранным, вульгарным. Лексема «черт» является разговорно-сниженной и имеет значение «употребляется как бранное слово» при обращении к конкретному лицу; в определенном контексте представляет собой жаргон. С одной стороны, жаргонную лексику не относят к группе нецензурных слов, с другой стороны, вульгарный, бранный характер слов позволяет лингвисту делать

вывод о наличии оскорбительного потенциала таких слов.

Высказывание «пошел на ...» содержит словоформу, которая обозначает мужской половой орган. Данное слово относится к пласту нецензурных слов, имеющих неприличную форму и обладающих оскорбительным потенциалом. Данное высказывание является устойчивым, обычно используется в повелительном наклонении («иди на ...»). Публичное употребление подобного высказывания может быть расценено как речевое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ. Мелкое хулиганство). Однако оно не содержит речевой акт оскорбления, так как употребляется не для характеристики лица (представителя власти), а для выражения своего негативного эмоционального состояния.

Таким образом, установленные обстоятельства позволяют лингвисту считать, что рассматриваемые слова могут квалифицироваться как неприличные и являться оскорбительными, так как посягают на честь и достоинство представителя власти. Автор приходит к выводу о наличии в указанных высказываниях оскорбления как целенаправленного речевого акта в адрес представителя власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/4.pdf>
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
3. *Жельвис В. И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.
4. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010
5. *Магеримова Ю. Ю.* Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление». Научный диалог. 2018. № 7. С. 93-102.
6. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Русистика. 1994. № 1–2. С. 50–73.
7. *Салеев В. А.* «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprilichnaya-forma-vyrazheniya-kak-problema-leksikografii-i-lingvoekspertologii>

8. *Стернин И. А.* Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-308

9. *Стернин И. А.* О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе. «Воронежский адвокат». № 1(79). 2010. С. 16-21.

10. *Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карнов Д. Л., Шаманова М. В.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.

11. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) «Оскорбление представителя власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6fafa4e06f5b3e8d2eec4cbd86cfc60812cf697/

12. *Холопова И. А.* К вопросу о лингвистическом аспекте экспертизы по делам об оскорблении. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). С. 179-183.

13. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / ред. М.В.Горбаневский. М., 2002.

14. *Шабанов М. М.* Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2010. №. 2. С. 175-179.

15. *Шахматова Т. С.* Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasiliya-v-rechevyh-situatsiyah-institutsionalnogo-obscheniya>

REFERENCES

1. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise*. [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza]. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/4.pdf>

2. Efremova T. F. *New dictionary of the Russian language. Interpretive word-building* [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy]. Moscow, 2000.

3. *Federal Law of June 13, 1996 No. 63-ФЗ (as amended on November 12, 2017) «Insulting a Representative of the Authorities»* [Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 No 63-FZ (red. ot 12.11.2018) «Oskorblenie predstavatelya vlasti»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6fafa4e06f5b3e8d2eec4cbd86cfc60812cf697/

4. *Kholopova I. A.* *On the question of linguistic aspect of expertise on the cases of offense* [K voprosu o lingvisticheskom aspekte ekspertizy po delam ob oskorblenii]. Philology. Theory and

practice. No 8 (38). Pp. 179-183.

5. Mageramova Yu. Yu. *Legal and Linguistic Contradictions in Concept of «Insult» Interpretation* [Pravovyye i lingvisticheskiye protivorechiya v traktovke ponyatiya «oskorbleniye»]. Scientific dialogue. 2018. № 7. Pp. 93-102.

6. Mokiyenko V. M. *Russian expletive vocabulary: censorship and foul language* [Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoye i netsenzurnoye]. Russian Studies. 1994. No 1–2. Pp. 50–73.

7. Salyaev V. A. «*Indecent form of expression*» as an issue of lexicography and linguistic expertology [«Neprilichnaya forma vyrazheniya» kak problema leksikografii i lingvoekspertologii]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/neprilichnaya-forma-vyrazheniya-kak-problema-leksikografii-i-lingvoekspertologii>

8. Shabanov M. M. *Peculiarities of Carrying out the Forensic Linguistic Expertise in Insult Cases* [Osobennosti provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy po delam ob oskorblenii]. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Social Sciences. 2010. Vol. 2. Pp. 175-179.

9. Shahmatova T. S. *Insult as a tool of linguistic violence in verbal situations of institutional communication* [Oskorbleniye kak instrument yazykovogo nasiliya v rechevykh situatsiyakh institutsional'nogo obscheniya]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasiliya-v-rechevykh-situatsiyah-institutsionalnogo-obscheniya>

10. Sternin I. A. *Indecent form of utterance in linguistic analysis of text* [Neprilichnaya forma vyskazyvaniya v lingvokriminalisticheskom analize teksta]. URL: <https://goo.gl/TYDR6W>.

11. Sternin I. A. *On the concept of «indecent form of utterance» in linguistic expertise* [O ponyatii «neprilichnaya forma vyskazyvaniya» v lingvisticheskoy ekspertize]. Voronezh lawyer. No 1(79). 2010. Pp. 16-21.

12. Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V. *Identification of signs of humiliation of honor, dignity, impairment of business reputation and insult in the linguistic examination of the text* [Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta]. Yaroslavl, 2013.

13. *The price of the word. Texts of lawsuits to protect the rights, dignity and business reputation* [Tsena slova. Teksty sudebnykh protsessov po zashchite prav, dostoinstv i delovoy reputatsii]. Moscow, 2002.

14. Zhelvis V. I. *Word and deed: the legal aspect of bad language* [Slovo i delo: yuridicheskii aspekt skvernosloviya]. Legal linguistics-2. Language in its natural and legal being. Barnaul, 2000. Pp. 194-206.

15. Zherebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms* [Slovar lingvisticheskikh terminov]. Nazran, 2010.

УДК 4414; 1751, ББК 67.53, ГРНТИ 10.85.31, КОД ВАК 12.00.12

Д. Л. Ханзафарова, И. Р. Абитов

Казань, Россия

ДИСКУССИЯ О ПРАВАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

В статье освещается практика производства психолого-лингвистических экспертиз и исследований по материалам, связанным с обсуждением взаимоотношений между татарами и русскими, а также по текстам, представляющим собой реакцию на государственную национальную политику. Авторы проводят исторический экскурс, описывая истоки конфликта и этапы его развития. Описываются особенности национального оппозиционного дискурса в Республике Татарстан, раскрывается специфика конфликта малого народа и власти. Дается описание социально-политической ситуации, сложившейся в Республике Татарстан. В статье приводятся теоретические основания исследования текстов в рамках межгруппового конфликта, раскрываются понятия «этнос», «этническая идентичность», «относительная депривация», «социальная установка», описываются приемы оказания психологического воздействия на адресата. Также в статье приводится технология производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы материалов, отражающих межгрупповое конфликтное взаимодействие. Выделены несколько групп предоставленных на экспертизу материалов в соответствии с наличием или отсутствием в них признаков экстремистских значений и с тем, кто является их адресатом: представители органов государственной власти, оппоненты в межгрупповом конфликте или представители «чужой» этнической группы. При анализе подобных материалов предлагается выделять основную тему, которой посвящен материал, отношение автора к освещаемой проблеме, группе лиц или описываемым действиям, а также социально-психологическую направленность данного материала. Авторы обращают внимание на сложности, которые могут возникнуть при производстве подобных экспертиз, и предлагают способы их преодоления, опираясь на свой экспертный опыт. При этом они выделяют лингвистические и психологические признаки материалов, содержащих «экстремистские значения».

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, экстремизм, национальная идентичность, межгрупповой конфликт, государственная национальная политика.

Сведения об авторе: Диля Линаровна Ханзафарова, магистр юриспруденции, заведующий специализированным экспертным отделом по производству экспертиз и

экспертных исследований по делам, связанным с проявлением экстремизма, ФБУ Средне-Волжский региональный центр судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации. 420043, Казань, ул. Лесгафта, д. 33. E-mail: d.khanzafarova@yandex.ru

Сведения об авторе: Ильдар Равильевич Абитов, кандидат психологических наук, государственный судебный эксперт ФБУ Средне-Волжский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, доцент кафедры психологии личности Института психологии и образования ФГАО ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420043, Казань, ул. Лесгафта, д. 33. E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

D. L. Khanzafarova, I. R. Abitov

Kazan, Russia

DISCUSSION ABOUT RIGHTS OF NATIONAL MINORITY AS THE OBJECT OF FORENSIC ASSESSMENT

The article deals with forensic expertise of texts dedicated to inter-ethnic relations between the Tatars and the Russians and reactive texts dedicated to state nationality policy. The authors' attention is drawn to the problem of distinguishing between legitimate protection of the Tatars' rights and extremist actions. The authors are explaining peculiar origins of inter-ethnic conflict by describing its stages of development in history. The features of national opposition discourse are described. The article reveals the specificity of conflict between the national minority and the federal government. The current situation in socio-political sphere in the Republic of Tatarstan is described. The article gives theoretical basis for research of texts referred to the intergroup conflict. The concepts of «ethnos», «ethnic identity», «relative deprivation», «social attitude» are explicated, the methods of providing psychological influence on the addressee are described. The article also gives the technology for the complex psychological forensic study of materials reflecting conflict intergroup engagement. Several groups of materials provided for the forensic examination have been singled out in accordance with the presence or absence of signs of extremist ideas as well as the type of addressee of a text (representatives of state authorities, opponents in intergroup conflict or representatives of a «foreign» ethnic group.) When analyzing such materials, it is proposed to distinguish the main subject which the material is devoted to (it could be group of persons, description of an action or some ideology), the attitude of the author to the subject, and the author's communicative purpose. The authors pay attention to the difficulties that may arise during forensic studies and, relying on the personal experience in this sphere, suggest ways to overcome them. At the same time, they distinguish linguistic and psychological features of materials containing so-called «extremist meanings».

Key words: comprehensive forensic psychological and linguistic expertise, extremism, nationality identity, intergroup conflict, state nationality policy.

About the author: Dilya Linarovna Khanzafarova, Master of Law, manager of the specialized expert department, forensic expert-linguist of Middle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice of the Russian Federation. 420043, Kazan, ul. Lesgafta, 33. E-mail: d.khanzafarova@yandex.ru

About the author: Ildar Ravilievich Abitov, Candidate of Psychology, assistant professor of Department of Developmental and Clinical Psychology, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, forensic expert-psychologist of Middle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice of the Russian Federation. 420043, Kazan, ul. Lesgafta, 33. E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

DOI 10.14258leglin(2018)9-1009

На сегодняшний день в составе Российской Федерации насчитывается 22 национально-государственных образования (республики), имеющих собственные конституции, столицы, а также языки, которые наравне с русским языком имеют статус государственных языков. Будучи особой формой государственности в составе федерации, республиканская форма учитывает интересы малого народа, проживающего на обозначенной территории. Мультикультурная и мультинациональная среда неизменно предполагает наличие недопонимания, споров и противоречий, которые могут приобретать различные формы и масштабы проявления. Яркий пример подобного взаимодействия – коммуникация, осуществляемая на территории Республики Татарстан.

На протяжении более чем двадцати лет между Российской Федерацией и Республикой Татарстан действовали условия Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан. В частности, одним из пунктов договора являлось установление государственного статуса русского и татарского языков, предполагающее обязательное изучение татарского языка в школах, дублирование законов и подзаконных актов, принимаемых на территории

Республики Татарстан, на русском и татарском языках, обязательное владение высшими должностными лицами обоими языками [Договор о разграничении: URL; Федеральный закон № 199-ФЗ от 24.07.2007: URL]. Окончание срока действия договора 11 августа 2017 года и отказ Президента РФ В. В. Путина продлять его были болезненно восприняты татарской общественностью. Это событие породило множество дискуссий, беспокойств, собраний и митингов.

В ходе исследования текстов, предоставленных экспертам для проведения судебного психолого-лингвистического исследования, были условно выделены две группы авторов. К первой группе относятся активисты, общественные и политические деятели, а также граждане, демонстрирующие свою точку зрения о необходимости приобретения Татарстаном независимого статуса, сторонники сохранения обязательного изучения татарского языка в школах. Их оппонентами – представителями второй группы – отстаиваются права русскоязычного населения республики. В настоящем исследовании основной фокус сосредоточен на первой группе – лицах, отстаивающих права татар как национального меньшинства. Приведенное разграничение весьма условно, поскольку в нём де-факто учитываются общественные позиции оппонентов, при этом национальная идентичность авторов высказываний и, как следствие, их языковая принадлежность не ложатся в основу деления. Так, идею обязательного обучения татарскому языку могут поддерживать и представители иных национальностей, в то время как некоторые этнические татары сознательно уходят от коммуникации на татарском языке, предпочитая ей общение на более распространенном русском языке.

Активность различных национальных движений неизбежно привлекает внимание правоохранительных органов, как следствие, экспертной оценке подвергаются материалы, связанные с деятельностью Всетатарского общественного центра (ВТОЦ), Татарского патриотического фронта «Алтын Урда», Союза татарской молодежи «Азатлык», а также высказывания отдельных лиц.

Очередной пик активизации в обсуждении вопросов межэтнического

взаимодействия пришёлся на осень 2017 года и был связан с исключением из образовательных программ обязательных часов изучения татарского языка.

Происходящее в Республике Татарстан можно рассматривать как межгрупповой конфликт, поводом для которого послужили окончание срока действия указанного договора и отказ Президента РФ В. В. Путина его продлить. Данный конфликт не является этническим, поскольку сторонами конфликта не являются представители двух этносов (татары и русские), но в основе данного конфликта лежит конфликт интересов, часть из которых затрагивает этническую идентичность татар. В связи с этим предпримем экскурс в социальную психологию.

Ю. Б. Бромлей понимал под этносом «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании» [Клецина 2008: 133–134]. Представители любого этноса обладают важной социально-психологической характеристикой – этнической идентичностью, то есть осознают себя как представителей одной группы. Одним из наиболее важных этнодифференцирующих признаков является язык. В связи с этим представителями этноса наиболее остро воспринимаются ситуации, связанные с ограничением в использовании, изучении их языка.

С точки зрения одного из наиболее известных исследователей агрессии в социальной психологии Берковица, одним из главных факторов, влияющих на проявление межгрупповой враждебности, является относительная депривация, то есть оценка положения своей группы как более плохого по сравнению с другой группой. Так, в ситуации конфликта представители одной из сторон или обеих апеллируют к более тяжелому положению их группы в связи с действиями или бездействиями представителей другой группы [Гришина 2008: 121]. В рассматриваемой нами ситуации для активистов татарских националистических организаций и граждан, разделяющих их взгляды, признаком относительной

депривации послужила информация о возможной отмене обязательного изучения татарского языка в школах республики и об изменении статуса Республики Татарстан (далее – РТ) в составе Российской Федерации (потеря статуса суверенной республики).

Еще одной социально-психологической категорией, важной для понимания коммуникативного поведения сторон в описываемом конфликте, является «социальная установка». Г. Олпорт определял социальную установку как состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом [Клецина 2008: 60]. Социальные установки (аттитюды) являются компонентами мировоззрения человека и связаны с его личной историей и убеждениями и взглядами, разделяемыми и транслируемыми его семьей и ближайшим окружением. Таким образом, часть лиц, высказывания и тексты которых подвергались экспертизе, с одной стороны, проявляет свое гиперидентичное отношение к группе «татары» (придает особое значение своей принадлежности к данной группе, наделяет представителей данной группы исключительно положительными качествами), а с другой стороны, проявляет враждебное, отрицательное отношение к группе «русские» (приписывает ее представителям негативные качества, стремится создать дистанцию с представителями данной группы, например, побуждая их переехать в другие города).

Говоря о приемах оказания психологического воздействия, необходимо отметить, что наиболее часто встречающимся является убеждение. Причем автором может использоваться как логическая аргументация с опорой на факты, так и эмоциональная, при которой основной тезис приводится с опорой на эмоции и потребности адресата (например, актуализируется состояние тревоги и страха в связи с возможностью «исчезновения» татарского языка, его забвения).

Коммуникацию, попадающую в поле экспертного анализа, можно разделить на три категории:

1) тексты, в которых очевидно проявляются т.н. «экстремистские» значения – как правило, в подобных текстах в качестве «чужой» группы

выделяются русские как группа лиц по национальному признаку;

2) тексты на общественно-политическую тематику, адресованные оппонентам;

3) тексты на общественно-политическую тематику, целевым адресатом которых являются представители власти.

Следует отметить, что в экспертной практике попадаются и примеры типичного конфликтного дискурса между русскими и татарами, представителями иных национальных меньшинств – подобные высказывания неизменно содержат лингвистические и психологические признаки унижения и возбуждения вражды по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному признаку, либо по отношению к отдельным её представителям.

Однако в большинстве случаев в качестве объектов исследования выступают именно политизированные высказывания общественно активных граждан, относящиеся к текстам категорий (2) и (3).

Так, активисты могут обращаться с лозунгами на митингах, пикетах, составлять официальные обращения к представителям власти. Например, в ходе митинга на одной из центральных площадей г. Казани были развернуты плакаты следующего содержания: *«ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА! СОБЛЮДАЙТЕ КОНСТИТУЦИЮ РТ! КТО НЕ ЗНАЕТ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК – СДАЙТЕ МАНДАТЫ!»*, *«ТРЕБУЕМ ОТСТАВКИ ЗЛОСТНЫХ НАРУШИТЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИИ РТ! ОНИ НЕ ЗНАЮТ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РТ!* (далее – перечисление чиновников и занимаемых ими должностей)».

В ходе экспертного анализа были выделены несколько дискурсивных особенностей, касающихся, в частности, системы аргументации активистами собственной позиции.

Защитниками интересов национального меньшинства в качестве основной ценности выделяется суверенитет Татарии, реализующийся в равноценном русскому использованию татарского языка (в том числе, его обязательном изучении в образовательных учреждениях), признании статуса Татарстана как

субъекта общественного права, увеличении доли собственных доходов республики и т.д.

Основную трудность при анализе смыслового содержания подобных текстов составляет раскрытие побуждения к неким действиям, целью которых является «борьба за суверенитет (независимость)». В ходе проведенного анализа установлено, что глагол «бороться» содержит значение «добиваться цели, отстаивать что-то путем решительного действия» [Кузнецов 1998: 92]. Контекст употребления слова «бороться» свидетельствует о том, что подразумевается противостояние мирными, закрепленными законодательством способами: *«[мы должны] бороться за независимость <...> мы должны обращаться в международные организации и опираться на демократическое мировое сообщество», «если оскорбляют твой народ, ты обязан встать на защиту его чести».*

Независимость Татарстана – проблема, которая обсуждается на протяжении долгих лет, а пути её решения в разное время обретали различные оттенки и имели разные последствия. Так, на протяжении всего XX века существовала концепция создания автономного Урало-Волжского Штата (тат. Идел-Урал, 1917) [Татарская энциклопедия 2014: 35–36]; в конце 1980-х гг. была разработана программа ТОЦ, было выдвинуто предложение об изменении статуса ТАССР на союзный [Якупова 2001: 29]. Историко-культурный контекст обсуждения статуса Татарии свидетельствует о том, что сам по себе призыв к борьбе за суверенитет не может рассматриваться в качестве призыва к отделению от России, то есть к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Видится закономерным, что в большинстве материалов, представленных в распоряжение экспертов, в качестве «чужой» группы лицами, отстаивающими права татарского населения, выделяются представители органов государственной власти России – русские же, как этническая группа, за исключением ранее описанных примеров, оцениваются как равные либо не оцениваются вовсе.

Как следствие, в подобных текстах отсутствует оппозиция «свой» – «чужой» по национальному признаку, в качестве «врага» рассматривается государственная власть. Для раскрытия конфликта между татарским государством и Кремлем показательны памятные дни, посвященные воинам, погибшим при защите Казанского ханства от войск Ивана IV – 1552 год рассматривается активистами как отправная точка в истории ущемления прав татар [Якупова 2001: 28, 204]. Неоднократно активисты используют эмоционально-оценочную лексику, демонстрируя негативное отношение к указанному историческому факту: *«[это был] захват с последовавшими геноцидом, колонизацией и религиозными репрессиями»*.

Безусловно, в абсолютно всех материалах обсуждаемой тематики присутствует позитивная этническая идентичность, в ряде случаев переходящая в гиперидентичное отношение к татарам. Особую трудность в экспертной практике представляют материалы, в которых для обозначения «чужой» группы всё же используются номинации с корнем «рус-» (например, *«русские шовинисты»*). Так, в ряде случаев пейоративные номинации употребляются для маркировки мировоззрения лиц, целиком и полностью поддерживающих власть, которая, по мнению авторов, учитывает только интересы русских как титульной нации. К лицам, активно поддерживающим идею отмены обязательного обучения татарскому языку, выражается негативное отношение, их поведение и действия оцениваются как угрожающие национальному самосознанию, национальной идентичности татар. Также в текстах по указанной тематике имеется оценка действий обозначенной группы лиц как угрожающих безопасности населения и мирному сосуществованию татар и русских: *«Баня и называя русофобом любого (даже русского), выступающего против их желания убрать государственный статус татарского языка и его обязательное преподавание в школах, оскорбление “травоядных” татарских деятелей культуры и науки, интеллигенции – “татарскими нацистами” (они не знают, как выглядят настоящие татарские нацисты и хорошо бы, чтобы не узнали) и пр. своими неразумными действиями, они уже довели ситуацию до*

противостояния. При этом многие оболваненные рядовые русские татарстанцы, ведутся на один из их лозунгов (не преподавать татарский язык русским), при этом не зная, что юридически в РФ невозможно поделить детей по нац. признаку (это противозаконно) и отменить татарский, как и ввести татарский только для русских или татар. <...> В итоге, татарские пользователи, видя эту оголтелую татарофобию, впадают в русофобию, видя в русских угрозу татарам и Татарстану. <...> властям РФ надо срочно громить русских шовинистов в РФ, пока они не разожгли пожар». Как видно из приведенного фрагмента, в тексте отсутствует противопоставление «татары – представители иных национальностей», «говорящие на татарском языке – не говорящие на татарском языке».

В ходе обобщения вышесказанного выделены следующие характерные особенности речевого поведения лиц, борющихся за суверенный статус Татарстана и соблюдение прав татар как этнического меньшинства:

1) апелляции к национальной идентичности татар и религиозной идентичности мусульман (например, строительство православного храма преподносится как действие, направленное на «искоренение Татарского духа Казани» и полную ассимиляцию татарского народа, мусульманского населения республики);

2) обвинение оппонентов в татарофобии;

3) обращение к истории: взятие Казани войском Ивана Грозного в 1552 г. оценивается как знаковое событие, после которого татары утратили статус независимого народа;

4) апелляция к потребности в безопасности и сохранению своей национальной идентичности;

5) выражение негативного отношения к действиям органов государственной власти РФ;

6) обвинение оппонентов в противоправных действиях;

7) солидаризация с другими тюркскими народами (казахи, киргизы и т.д.), указание на самобытность развития тюркских языков (отказ от кириллицы,

возвращение к руническому алфавиту или латинице);

8) обвинение представителей органов государственной власти РТ в незнании татарского языка.

При психологическом анализе данных материалов было установлено, что их целевая направленность чаще всего определяется стремлением авторов продемонстрировать негативное отношение к действиям органов государственной власти РФ и РТ, связанным, по мнению авторов, с ущемлением прав татар, стремлением убедить адресата в правильности своей точки зрения, побуждением адресата к отстаиванию прав татарского народа (публикации в социальных сетях, официальные обращения к представителям органов государственной власти РФ и РТ и т.д.). Однако встречаются материалы, направленные на демонстрацию негативного отношения к русским, проживающим на территории Республики Татарстан, и формирование у них готовности к переселению в города, находящиеся вне национальных республик («русские города»): *«Не хотите принимать верховенство Татарского народа в Татарии – велкам то Москва, Петербург, Пермь, Челябинск, Екб, Нижний...»*.

Для достижения поставленных целей авторами чаще всего используются рациональная и эмоциональная аргументация, апелляция к патриотическим чувствам адресата, к историческому опыту. В то же время при демонстрации негативного, пренебрежительного отношения к «чужой» группе (русским) могут быть использованы и невербальные средства: так, в одном из материалов в качестве иллюстрации к тексту было использовано изображение деклассированной женщины с иконой в руках (образ, обобщающий представление о группе «русские») [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 25-40].

Таким образом, зачастую экспертной оценке подлежат материалы, в которых при наличии «своей» группы, выделяемой по национальному признаку, а также описания конфликтной ситуации отсутствует соответствующая целевая направленность, и, как следствие, совокупность компонентов какого-либо из т.н. «экстремистских» значений. Вместо межэтнического конфликта экспертной

оценке подлежит общественно-политическое противостояние, что, при отсутствии побуждения населения республики к выходу из состава Российской Федерации, не может быть рассмотрено как действие, попадающее в категорию экстремистских.

В то же время ряд материалов имеет стандартные формы проявления межэтнического конфликтного дискурса и содержит лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальной принадлежности и побуждения к дискриминирующим действиям (переезд в города, не находящиеся на территории национальных республик).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2008.
2. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 26.06.2007. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfrt/dogovor/>.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я. СПб., 1998.
4. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
5. Практикум по социальной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб., 2008.
6. Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. А. М. Мазгаров, ответ. Ред. Г. С. Сабирзянов. Казань, 2014. Т. 6.
7. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 199-ФЗ «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>.
8. Якупова В. А. 100 историй о суверенитете. Казань, 2001.

REFERENCES

1. Grishina N. V. *Psychology of Conflict* [Psihologiya konflikta]. St.Petersburg, 2008.
2. *The Agreement between Russian Federation and Republic of Tatarstan «On the delimitation of the subjects of competence and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan»*, 26.06.2007 [Dogovor Rossijskoj

Federacii i Respubliki Tatarstan «O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochij mezhdou organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami gosudarstvennoj vlasti Respubliki Tatarstan» ot 26.06.2007]. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfirt/dogovor/>.

3. Kuznecov S. A. *The Great Dictionary of Russian language* [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A-YA]. St.Petersburg, 1998.

4. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. *Methodology of forensic psychological and linguistic examination of materials in cases involving countering extremism and terrorism* [Metodika provedeniya sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj ehkspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodejstviem ehkstremitizmu i terrorizmu]. Moscow, 2014.

5. *Workshop on social psychology / edited by Kleckina I. S.* [Praktikum po social'noj psihologii / pod red. I. S. Klecinoj]. St.Petersburg, 2008.

6. *Tatar Encyclopedia: in 6 volumes* [Tatarskaya ehnciklopediya: V 6 t.]. Kazan, 2014. Vol. 6.

7. *Federal law of July 24, 2007 No 199-FZ «On approval of the Treaty on the delimitation of competencies and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan»* [Federal'nyj zakon ot 24 iyulya 2007 g. No 199-FZ «Ob utverzhdenii Dogovora o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochij mezhdou organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami gosudarstvennoj vlasti Respubliki Tatarstan»]. URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>.

8. Yakupova V. A. *100 stories about sovereignty* [100 istorij o suverenitete]. Kazan, 2001.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА

УДК 81`23, ББК 81.2, ГСНТИ 16.21.27, КОД ВАК 10.02.19

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Актуальность исследования поликодовых текстов связывается с практикой их использования для распространения экстремистских и насильственных идей в интернет-коммуникации. Научная значимость изучения обусловлена недостаточным знанием о специфике восприятия поликодовых текстов, отставанием академических представлений о поликодовом тексте от практики их использования. Показано, что семиотика поликодового текста более гетерогенна, чем семиотика монокодового за счет сопряжения графических и вербальных видов информации. Современные подходы к анализу разнородных источников информации в поликодовых текстах базируются на обращении к семантическим, а не лексико-грамматическим единицам текста. Теоретические основания для работы с семантикой поликодового текста разрабатываются в концепции системно-функциональной семиотики, предложенной М. Halliday. Следуя положениям, все элементы поликодового текста имеют конкретное семиотическое значение. Поэтому современные интерпретации системно-функционального семиотического подхода расщепляют поликодовый текст на виды (модальности) применяемых в нем информационных ресурсов, анализируют их значение, синтезируя единое представление о смысле всего текста. Для этого используются положения прагмалингвистики, предполагающие, что смысл текста определяется интенцией автора, а также дискурсивного анализа, представляющего прочтение текста в

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102)

его социальном значении. Кроме того, системный подход к оценке поликодового текста базируется на предположении о том, что значения вербального компонента текста дополняются значениями графического компонента. На этой основе составляется общее представление о смысле всего текста. Развитие системно-функционального семиотического подхода имеет два перспективных направления. Во-первых, преодоление проблем конфликта семиотики разнородных информационных источников в тексте, во-вторых, определение роли читателя и понимание его вклада в интерпретацию смысла текста.

Ключевые слова: поликодовый текст, семиотика, контент-анализ, восприятие, понимание.

Сведения об авторе: Кирилл Витальевич Злоказов, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Уральского государственного педагогического университета. 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 221. E-mail: zkirvit@google.com

K. V. Zlokazov

Ekaterinburg, Russia

SYSTEM-FUNCTIONAL SEMIOTIC APPROACH TO ANALYSIS OF POLICODE TEXT: CURRENT STATE AND FUTURE PERSPECTIVES

The significance of study of polycode texts is instigated by their employment for the propaganda of extremist and violent ideas in the Internet communication. The merit of studying polycode texts is explained by the lack of knowledge about polycode texts in academic science and the weakness of methods for their expertise. It is known that semiotics of polycode text is more heterogeneous than monocode due to conjugation of graphic and verbal types of information. Therefore, modern approaches to the analysis of polycode texts refer to semantic, rather than lexical and grammatical units of text. The theoretical foundations are proposed basing on system-functional semiotics by M. Halliday. Following the provisions, all elements of the polycode text have a specific semiotic meaning. In the analysis, the polycode text is split into modalities of information, and then a complex notion of the whole text is synthesized. In addition, a systematic approach to the assessment of polycode text is based on the assumption that the meanings of the verbal components of the text are complemented by the meanings of the graphic component. Development of the system-functional semiotic approach has two promising perspectives. Firstly, it is overcoming the problems of the conflict of semiotics of heterogeneous information in the text, secondly, defining the role of the reader and understanding his contribution to the interpretation of the meaning of the text.

Key words: polycode text, semiotic approach, content analysis, text perception, understanding of meaning.

About the author: Kirill Vitalyevich Zlokazov, Candidate of Psychology, Associate Professor

DOI 10.14258leglin(2018)9-1010

Введение. Актуальность исследования поликодовых текстов обоснована научными и практическими интересами. С научной точки зрения, поликодовый текст является относительно новым видом организации текста. Поликодовый текст интегрирует в себе разнородные по форме и способу представления виды информации. В настоящее время наиболее распространен графико-вербальный вид поликодового текста, включающий статическое изображение и сопровождающую его надпись, либо динамическое изображение (видеоряд), дополненный текстовым или аудиальным комментарием. Средой существования поликодовых текстов выступает интернет-коммуникация, а ключевым условием – аппаратно-программные возможности устройств, используемых для коммуникации. Наблюдая за интенсивной трансформацией средств и среды коммуникации, можно прогнозировать дальнейшее развитие поликодового текста. При этом академические представления о поликодовом тексте не успевают за темпами его развития. Современные исследования фокусируются на вопросах чтения поликодовых текстов статического типа, проводятся исследования влияния организации поликодового текста на его прочтение, начинаются исследования опосредованного восприятия текста (в том числе, средствами «дополненной реальности»). В целом, процессы восприятия и понимания поликодового текста еще не в полной мере выяснены. В то же время поликодовый текст все чаще является предметом судебной-экспертной практики [Антонова 2014]. В интернет-коммуникации посредством поликодовых текстов осуществляется пропаганда насилия, идей социальной ксенофобии и экстремизма.

Разработка методов исследования поликодовых текстов определяется текущими знаниями о структуре и организации поликодовой информации, механизмах восприятия информации о насилии и ее понимании читателем.

Современные методы исследования монокодового текста базируются преимущественно на лингвистических концепциях текста. В изучении поликодового текста лингвистический анализ дополняется анализом других информационных ресурсов – видео, аудио, жестов, символики и пр. В силу их сущностных различий исследователи обращаются к композиционной роли и содержательному значению каждого фрагмента информации для формирования целостного представления о смысле всего анализируемого текста. Соответственно, в основе методов изучения поликодового текста комплексные исследования представляются более перспективными, чем монокодовые.

Специфика системно-функционального семиотического подхода к анализу поликодовых текстов. Перспективы совершенствования исследований поликодового текста в рамках данной статьи рассматриваются посредством обращения к концепции системно-функциональной семиотики [Halliday 1978]. Ее теоретические ресурсы лежат в основе современных практик экспертного оценивания поликодовых текстов, распространяемых представителями радикальных и экстремистских религиозных групп. В частности, за рубежом разрабатываются алгоритмизированные процедуры анализа текста на предмет радикальных, террористических и экстремистских призывов [O'Halloran 2016].

В данной статье обсуждаются концептуальные основания системно-функционального семиотического подхода, а также ключевые вопросы, связанные с его применением в исследовании поликодовых текстов.

Теория социальной семиотики предполагает «равноправное» участие всех компонентов поликодового текста в репрезентации его смысла. Следуя М. Halliday, вербальные, графические и иные знаковые системы в тексте представляют собой семиотические ресурсы, позволяющие понять общий смысл текста. При этом каждый компонент текста содержит информацию, адресованную к трем разновидностям представлений читателя: опыту, межличностным отношениям и тексту.

Информация, адресованная к опыту, дополняет представления читателя о социальном мире, знакомя его с чем-то новым, неизвестным для него, либо

уточняет представления, в случае если читатель уже владел какой-либо информацией об этом. Информация, адресованная к межличностным отношениям, формирует субъективное «личное» отношение читателя к предмету повествования и определенную модель социального поведения. Наконец, информация, адресованная к текстовому компоненту, регулирует его значение относительно других компонентов поликодового текста, позволяя читателю соотносить их значение друг с другом.

Таким образом, с системно-функциональной точки зрения, каждый компонент поликодового текста характеризуется тремя видами значений. Они конструируют: а) представление о социальном значении информации, б) отношение читателя к этой информации, а также в) значение каждого компонента текста относительно других компонентов. Подобное представление о поликодовом тексте позволяет выявить семантическое значение разных компонентов поликодового текста, а также соотнести их друг с другом. Тем самым определяется «вес» любого компонента в общей семантической картине поликодового текста. Данный подход также расширяет представление о прагматическом потенциале поликодового текста, показывая влияние содержащейся в нем информации на знания читателя о социальном мире, происходящих событиях, связях и отношениях между ними; отношение читателя к определенной информации, готовность к определённым социальным действиям.

Развитие этого подхода воплощено в нескольких концепциях, обращающихся к сложным видам текста, а также в построенных на основе их идей и критическом анализе концепции анализа мультимодального взаимодействия [Norris 2014] и когнитивном подходе к мультимодальным метафорам [Forceville 2009].

Вместе с тем использование системно-функционального семиотического подхода позволило сформулировать представление о двух проблемах, отражающих специфику поликодовых текстов: неэквивалентности отношений между его компонентами и влиянии воспринимаемых компонентов на

организацию смысла текста.

Суть первой проблемы в том, что компоненты поликодового текста неэквивалентны друг другу из-за разницы информационных кодов, используемых для их представления. Соответственно, семантические отношения между данными компонентами наследуют неравнозначность предоставивших их ресурсов. Например, при оценке поликодового текста, содержащего графическое изображение свастики и текстовый комментарий к нему, существенную роль в конструировании смысла будут играть отношения между графической и вербальной компонентами. Исследование семиотики текста должно учитывать организацию компонент поликодового текста. Как указывает R. Martinez, компоненты текста взаимодействуют на основе логико-семантических отношений равенства графической и вербальной частей текста, представленной в их независимости друг от друга, либо дополнения. Второй вариант отношений предполагает неравенство между графической и вербальной компонентами текста, выраженными в виде подчинения вербальному компоненту графического либо наоборот. Вне зависимости от типа внутритекстовых отношений, их оценка позволяет понять, каким образом воспринимаются значения каждого компонента текста и, в целом, его смысл. Например, при исследовании поликодового текста, содержащего графическое изображение оружия и текстовый комментарий, отсутствие смысловых связей между ними приводит к одному варианту прочтения, а прямая логическая связь – к другому.

Вторая проблема исследования поликодового текста также становится заметной благодаря системно-функциональному семиотическому подходу. Она заключается в изменении интерпретации смысла текста читателями с различным восприятием компонентов текста. Объяснение этому можно дать двумя примерами. В первом случае графические компоненты поликодового текста могут оказывать сильное влияние на читателя, меняя его отношение к предмету прочитанного и, как следствие, восприятие и оценку информации в нем. То есть изображения, имевшие иллюстративную роль и дополняющее значение для вербальной части текста, в силу эмоционального восприятия приобретают для

читателя познавательную роль и первичное значение по отношению к тексту. Во втором случае субъективный опыт читателя может изменять интерпретацию всех компонент текста, искажая то социальное значение и установку, которое закладывал в данный текст автор. К примеру, читатель имеет более глубокое и детальное представление о демонстрируемом ему изображении и о вербальной части текста. Поэтому, не принимая во внимание логико-семантические отношения между ними, читатель интерпретирует их совершенно иначе.

Подводя итоги, отметим, что исследование поликодовых текстов актуализирует поиск новых подходов, позволяющих преодолеть проблему гетерогенности составляющих его компонентов. При создании комплексного подхода к исследованию поликодовых текстов теоретическим ресурсом для преодоления этой проблемы может выступать системно-функциональный семиотический подход. Его преимуществами являются уравнивание компонентов поликодового текста посредством обращения к их семиотике; расширение средств оценки прагматического потенциала текста за счет обоснования его влияния на представления субъекта о социальном мире и субъективное отношение к предмету сообщения. К недостаткам подхода можно отнести необходимость дополнительной оценки логико-семантических отношений между компонентами текста.

Дальнейшим направлением исследования является выявление преимуществ и ограничений системно-функционального семиотического подхода путем его сопоставления с лексико-грамматическими и дискурсивными подходами к исследованию поликодового текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю.А. и др. Экстремистский текст и деструктивная личность. Екатеринбург, 2014.
2. Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London, 1978.
3. O'Halloran K. L., Tan S., Wignell P., Bateman J., Pham D.-S., Grossman M., Vande Moere A. Interpreting Text and Image Relations in Violent Extremist Discourse: A Mixed Methods

Approach for Big Data Analytics. Terrorism and Political Violence, 2016.

4. Norris S. *Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework*. London, 2004.

5. Forceville C. J., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*. Berlin & New York, 2009.

REFERENCES

1. Antonova Yu. A. et al. *Extremist Text and Destructive Personality* [Ekstremistskii tekst i destruktivnaya lichnost]. Ekaterinburg, 2014.

2. Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, 1978.

3. O'Halloran K. L., Tan S., Wignell P., Bateman J., Pham D.-S., Grossman M., Vande Moere A. *Interpreting Text and Image Relations in Violent Extremist Discourse: A Mixed Methods Approach for Big Data Analytics*. Terrorism and Political Violence, 2016.

4. Norris S. *Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework*. London, 2004

5. Forceville C. J., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*. Berlin & New York, 2009.

Подписано в печать 25.12.2018 г.

Дата выхода издания в свет 27.12.2018 г.

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2018